ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 77 (4202)

Четверг, 30 июня 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Год назад, накануне июньского Пленума ЦК КПСС, определившего генеральные пути технического прогресса в промышленности, в «Литературной газете» была опубликована статья первого секретаря Липецкого обкома КПСС тов. К. Жукова. В ней было рассказано, как небольшой, в недавнем прошлом мало кому известный город среднерусской полосы Липецк вышел на большие пути современной индустрии и растет, как говорится, не по дням, а по часам.

Прошел год героического труда и творчества советских людей. В июле соберется Пленум ЦК КПСС, который обсудит, как выполняются решения XXI съезда партии о развитии промышленности и строительства.

Редакция попросила тов. К. Жукова рассказать нашим читателям, какие изменения произошли за минувший год в Липецке.

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

ОТ ИЮНЯ ДО ИЮНЯ

К. ЖУКОВ,
первый секретарь Липецкого обкома КПСС

ЧТО произошло за год в Липецке? Не велик, казалось бы, срок для больших, бросающихся в глаза перемен. Но таковы уж темпы нашей жизни, что за один только год, прошедший после июньского Пленума ЦК КПСС, в Липецке произошло столько нового и важного, что изменился даже внешний облик города.

Кто не был в Липецке год, пожалуй, не узнает некоторых старых его районов. Выросли кварталы многоэтажных домов, поднялись корпуса цехов, таких больших, что их не обойти и за несколько часов. И, главное, новые предприятия вооружены самой передовой техникой.

Всего несколько дней назад на Новолипецком металлургическом заводе вступил в строй новый цех холодного проката. Таких гигантов в нашей стране еще не было. Цех будет прокатывать в год десятки тысяч тонн трансформаторной стали, которую мы до последнего времени ввозили из-за границы. И, что особенно важно, качество этой стали будет лучше, а стоимость ниже заграничной.

Выступая год назад в «Литературной газете», я писал, что в Липецке на заводе «Свободный сокол» заканчивается строительство цеха радиаторов. А теперь он уже работает. По уровню автоматизации это единственное в стране предприятие такого типа. Строителям нечего теперь бояться, что ввод жилых домов задержится из-за недостатка отопительного оборудования. Цех может производить три миллиона квадратных метров радиаторов в год, причем самых дешевых в стране.

Хочется напомнить читателям, что на Новолипецком металлургическом заводе недавно вступил в строй мощный электросталеплавильный цех. Процесс выплавки стали здесь полностью автоматизирован, а разливка механизирована. В цехе почти совсем нет людей. Сталеплавильщикам осталось теперь только контролировать работу механизмов.

Недавно в этом цехе я встретил старого горнового. Он давно вышел на пенсию, но в цех по старой привычке ходит чуть ли не каждый день, все присматривается, оценивает.

— Замечаю я, — сказал он мне, — что сейчас рабочий после конца смены не так устает, как бывало. Если дальше так пойдет, то на работу люди станут ходить, как на праздник.

Работа как праздник! Старый рабочий, которому пришлось испытать страшный, подневольный труд, сразу почувствовал качественное отличие нового труда.

Я рассказал о трех новорожденных липецкой индустрии, потому что в них выражена основная и главная тенденция семилетнего плана, следовать которой призывал нас июньский Пленум ЦК КПСС: курс на автоматизацию и на комплексную механизацию.

Старое и новое... Когда из новых автоматизированных цехов попадаешь в старый, необычайно остро ощущаешь, как отстал он, как необходимо подтянуть его техническое оснащение к уровню современной техники. К сожалению, многие наши хозяйственники, увлекаясь новым строительством, забывают о модернизации старых предприятий. А между тем техническое перевооружение их сулит гигантскую экономию. Приведу один только пример. Реконструкция старой доменной печи на заводе «Свободный сокол» удвоит ее производительность, а затраты будут в десятки раз меньше тех, что потребовались бы на постройку второй доменной печи такой же мощности. А ведь у нас немало предприятий, где оборудование установлено 20—30 лет назад. Модернизация его обеспечит значительное увеличение продукции, снижение себестоимости при сравнительно небольших затратах.

Особо хочется сказать о той роли, какую играют теперь в жизни предприятий города комиссии по осуществлению контроля за деятельностью администрации. Эти комиссии возникли после июньского Пленума ЦК КПСС. Интересно, что они сразу же повели непримиримую борьбу с местничеством. Сила общественного воздействия оказалась значительно действеннее многочисленных директив и распоряжений. Цех горячего проката на Новолипецком заводе, например, месяцами не справлялся с заказами, пока за дело не взялась комиссия, состоящая из рабочих этого же цеха. Они выяснили причины срывов, обратились к коллективам других заводов, которые поставляли сырье. И цех за короткое время не только рассчитался с заказами, но и ликвидировал прошлую задолженность. Думается, что пришло время смелее и шире передавать различные функции контроля в руки общественности.

ЗА ГОД, прошедший после июньского Пленума, заметно повысилась активность наших новаторов — изобретателей и рационализаторов. Только за три месяца этого года новаторы нашего экономического района внесли свыше пяти тысяч предложений!

Даже на таком небольшом по сравнению с другими нашими предприятиями заводе, как Лебедянский машиностроительный, каждый третий работник—либо изобретатель, либо новатор. Это в той самой Лебедяни на реке Красивая Меча, где жил герой тургеневского рассказа «Касьян с Красивой Мечи».

Старые БРИЗы явно не справлялись с таким потоком изобретений. В прошлом году мы организовали при совнархозе Совет новаторов. Он успешно объединяет рабочих-новаторов, помогает им дорабатывать и внедрять их предложения.

Все более тесным и плодотворным становится сотрудничество наших новаторов с учеными. Можно привести немало примеров, когда инженеры с помощью ученых дорабатывали интересные, серьезные свои предложения. Есть, однако, немало примеров, когда столичные научно-исследовательские организации задерживали и поныне задерживают выполнение очень важных для нас работ. Есть у нас серьезные претензии к Всесоюзному научно-исследовательскому институту новых строительных материалов, «Гипромезу» и московской организации «Электропривод».

Нет нужды вновь повторять эти претензии, мы о них уже не раз говорили и писали. Нужно искать радикальный выход из положения, и мы видим его в том, чтобы придвинуть науку к производству. Необходимо перевести из Москвы или других центров в Липецк, где вошли и входят в строй новые, уникальные по уровню автоматизации предприятия, соответствующие научно-исследовательские институты. Вот где простор для работы ученых. Приходи, изучай, твори!

Пора серьезно подумать и о создании своей учебной базы. О техническом уровне липецкой промышленности, пожалуй, наиболее выразительно говорит тот факт, что каждый девятый человек на предприятиях города — инженерно-технический работник. И все же инженеров нам не хватает. В Липецке открыт, правда, вечерний филиал Московского института стали, в котором обучается более 900 человек. Но желающих учиться много больше.

Необходимо подумать об открытии в Липецке новых институтов или о переводе их из столицы.

ЛИПЕЦК бурно растет. Пять лет назад в городе жило немногим более ста тысяч человек. Теперь население его почти удвоилось. В ближайшие годы наши строители сдадут в эксплуатацию более миллиона квадратных метров жилой площади.

Все меняется в Липецке, но в планировке города мы тщательно сохраняем то, что связано с историей России и русской культурой. Как и века назад, шумит Петровский парк, в тенистых аллеях которого обдумывал свою комедию Грибоедов. Новые люди ходят по его аллеям. Люди творческого труда и больших стремлений. Новые люди, о которых мечтали великие русские демократы.

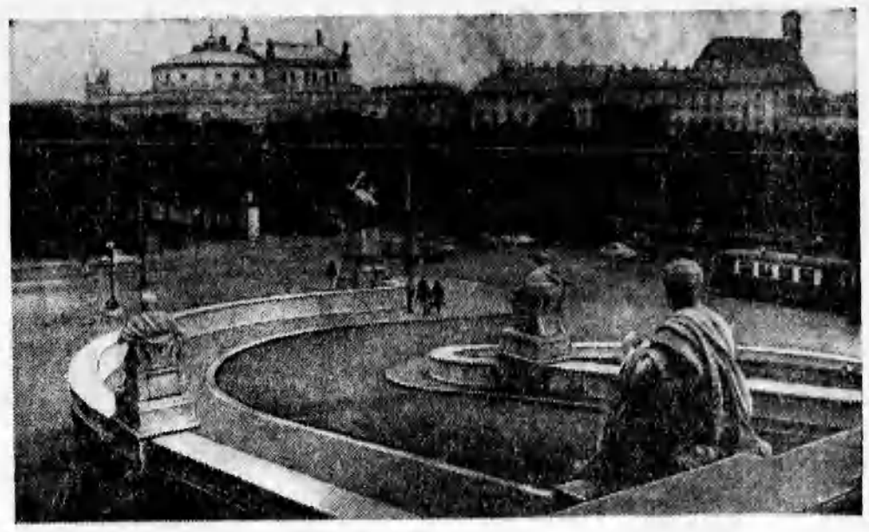
Я позволю себе привести характерный пример. Не так давно строительная бригада Алексея Демидова, работающая на сооружении нового цеха, поставила себе целью выполнять сменное задание в более короткое время. Улучшив организацию труда, строители стали изо дня в день заканчивать рабочий день на час раньше. Этот час они решили использовать для помощи отстающим бригадам. Вскоре и другие строители последовали почину бригады Алексея Демидова. Началось новое движение. Бригады, перекрывая нормы, сэкономили девяносто тысяч рабочих часов, что дало возможность сократить сроки строительства.

Когда ежедневно наблюдаешь чудесные трудовые подвиги наших людей, невольно задумываешься: почему же все-таки эти подвиги, прекрасная наша действительность не находят еще яркого, волнующего отображения в произведениях прозаиков, поэтов, драматургов.

Взять хотя бы того же Алексея Демидова и членов его бригады. Разве это не герои? Труд для них — творчество, участие в общенародном деле. Нет, не случайно их бригада носит звание бригады коммунистического труда! Как много хорошего могли бы пробудить у нашей молодежи книги о таких людях...

Липецк быстро превращается в крупный центр металла, машиностроения, химической промышленности. Итоги прошедшего года позволяют с уверенностью сказать, что грандиозные планы семилетки наши металлурги, механизаторы и строители выполнят досрочно.

Хочется верить, что скоро появятся у нас и новые, интересные книги о замечательных новаторах, героях семилетки.



Вена. Пять интервью

НАКАНУНЕ приезда Н. С. Хрущева ваш корреспондент обратился к ряду известных представителей культурной жизни Австрии с просьбой сказать несколько слов о своем отношении к визиту главы Советского правительства. Вот, без комментариев, их ответы.

Карл БРУКНЕР, писатель, лауреат Государственной литературной премии. Карл Брукнер сейчас работает над книгой «Сассаки и атомная бомба» — о судьбе девочки из Хиросимы.

— Как страстный патриот Вены и представитель семьи потомственных венских извозчиков — о нашем роде упоминает уже хроника XVI века — я бываю чрезвычайно рад каждому гостю моего города. И я тем более рад, когда этот гость такой значительный человек, как Хрущев. Сегодня я прочитал в газете, что из трех опер, предложенных премьер-министру для торжественного представления Венской оперой, он выбрал «Волшебную флейту» нашего Моцарта. Какой замечательный выбор! Это подтверждает мое мнение о том, что Хрущев приезжает в Австрию с чувствами искренней дружбы. Это признание роли нашей маленькой страны в развитии мировой культуры.

Не желая быть нескромным, мне хотелось бы сказать Хрущеву: Вы приезжаете в замечательную страну, мою родину, которая много дала миру в прошлом и настоящем. Мы хотим дружбы со всем миром и, конечно, с вашей великой страной. Добро пожаловать!

Пауль фон ЖОЛНАЙ, книгоиздатель, владелец одного из крупнейших издательств в Австрии и один из основателей Пенклуба:

— Когда я основал в 1923 году свое издательство, целью моей была популяризация иностранных авторов в Австрии и других странах немецкого языка, а австрийских писателей — за границей. В этом я видел лучшее средство для того, чтобы избежать войны. Я издал первые книги австрийцев Франца Верфеля и Феликса Зальтена. Я имел удовольствие быть знакомым с Леонидом Леоновым, две книги которого еще до войны вышли у меня. Я убежден: ни один статистический, исторический или биографический труд не может рассказать о народе столько, сколько произведение художественной литературы. И все-таки война пришла. Что это, фиаско моих убеждений? Нет, я не потерял веры. Моя цель осталась неизменной: служить делу сближения народов. Никто не хочет войны. Она была бы ужасна. Хрущев выступает за идею мирного сосуществования, которую я понимаю так, что можно разными путями добиваться одной цели Соревнование — вот правильное слово. Пусть государства соревнуются в том, чтобы сделать свой народ счастливее.

Дай бог, чтобы визиты Хрущева и других государственных деятелей помогли избежать войны! Тогда для наших детей и внуков поистине наступит прекрасная эпоха. В мире много проблем, которые надо решить, и в первую очередь надо преодолеть недоверие. Поэтому я от всей души приветствую приезд премьер-министра Хрущева в Вену.

Генрих ЗУССМАНН, архитектор и художник:

— Скажу очень коротко: в визите дружбы Хрущева я вижу новое доказательство его устремлений крепить дружественные и хорошие отношения со всеми народами. Я уверен, что этот визит откроет глаза многим противникам Советского Союза, ибо они увидят человека, который готов выслушать мнение другого, который уважает любое человеческое чувство. Мы все, почитающие Хрущева, с радостным нетерпением ждем его приезда.

Для меня самого выпала большая честь оформлять зал дворца Гофбург для «встречи дружбы» с Хрущевым, организуемой Австро-советским обществом. Я попытаюсь своими скромными символическими декорациями не нарушить торжественный характер прекрасного зала, а лишь поднять его атмосферу, щедро украсить его цветами. К сожалению, зал слишком мал, чтобы вместить всех желающих участвовать в этой знаменательной встрече, но зато площадь перед дворцом, вмещающая до 100 тысяч человек, даст венцам возможность услышать Хрущева (громкоговорители, установленные на площади, будут передавать его речь) и увидеть его, когда он выйдет на балкон дворца.

Доктор Фридрих ХЕЕР, публицист, главный редактор католического еженедельника «Ди фурхе»:

— Со времени моего возвращения на родину (доктор Хеер шесть раз был арестован за свои политические убеждения во время нацистского режима в Австрии. —**Э. М.**) уже первой своей книгой «Разговор врагов», вышедшей в 1949 году и получившей, как мне говорили, положительную оценку в советском журнале «Коммунист», я совершенно сознательно пытался и пытаюсь привести своих соотечественников, запуганных истерическими паникерами, к спокойной и справедливой оценке великого исторического процесса, начавшегося в 1917 году и продолжающегося по сегодняшний день.

За 14 лет своей публицистической деятельности я делал главный упор в своей работе на то, чтобы всегда конкретно различать «врага» и «противника». С врагом бьются насмерть, с противником мы должны дискутировать. С величайшим спокойствием и терпением, с хорошей страстью и в то же время по-деловому. Для меня, австрийца-католика, это, конкретно говоря, простая необходимость уяснить себе идеологию диалектического материализма и вопросы общественного и политического развития в Советском Союзе и коммунистических странах, то есть стремление к возможно лучшему и честному знакомству с реальным положением вещей. В этой связи мне хочется просто и откровенно сказать: я считаю, что пропагандистская шумиха не лежит ни в истинно глубоком интересе Советского Союза, ни в интересах его верных друзей. Мне кажется, что советским людям сегодня во всем мире нужны собеседники, которые без ненависти, но и без лести, дружелюбно и спокойно выражают свое мнение. Я очень надеюсь, что премьер-министр Хрущев и господа и дамы, приезжающие с ним в Австрию, встретят здесь людей, с которыми на долгое время и добрую память можно хорошо и успешно «спорить» и, конечно, в духе искренней дружбы, не исключающей желания и воли пойти в тех или иных — общественных и идеологических вопросах — своим собственным и другим путем.

Во всем мире нет человека, который сегодня уже имел бы окончательный рецепт для решения всех общественных, политических и человеческих проблем. Наша совместная задача в том и состоит, чтобы среди множества «да» и «нет» искать в каждом отдельном случае хорошее и правильное решение. Именно в нашей маленькой стране, не отягченной ответственностью атомного оружия, наши советские гости найдут людей, с которыми они могут обсудить ту или иную сложную проблему, касающуюся нас здесь, в Европе. Ибо — и этим я хочу закончить — я считаю, что Россия лежит в Европе.

Эдуард ШТРАУС, дирижер и композитор, правнук Иоганна Штрауса, основателя знаменитой венской музыкальной династии. Эдуард Штраус, кстати, в октябре собирается в Советский Союз, думает посетить Москву и Ленинград, исполняя музыку «различных Штраусов».

Он сказал:

— Я лично могу только самым сердечным образом приветствовать то, что сегодня главы государств «пускаются в путешествия». Это лучший метод для преодоления трудностей. Беседы политических деятелей, даже если они протекают очень бурно, всегда дают какой-то положительный результат. Я не политик и говорю, наверное, вещи, которые до меня уже сказаны много раз. Но если бы дело шло по-моему, то государственные визиты начинались и кончались бы музыкой. Музыка — непревзойденное до сих пор средство общения людей, даже в политике. И в этой области у нас, австрийцев, в запасе прекрасные лекарства и таблетки.

Элизабет МАРК,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

ВЕНА, 29 июня. (По телефону).

На снимке: Вена. У здания парламента.

Фото А. Стешанова

ДЛЯ НАУКИ, ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

С гордостью следит прогрессивное человечество за освоением космоса, успешно осуществляемым советскими людьми. Во вчерашних газетах опубликовано сообщение ТАСС о том, что в соответствии с планом дальнейших работ по космическим проблемам советские ученые и конструкторы подготовили к испытаниям новые варианты мощных многоступенчатых ракет-носителей. Пуски этих ракет-носителей без последней ступени, так же, как и в январе с. г., будут проведены в район центральной части Тихого океана. В сообщении приводятся координаты этого района. Для проведения необходимых измерений в район падения предпоследней ступени ракеты-носителя будут направлены специальные суда советского флота. Пуски ракет ориентировочно состоятся в период с 5 по 31 июля с. г.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО АКЫНА

28 июня общественность Москвы отмечала столетие со дня рождения классика киргизской литературы акына-демократа Тоголона Молдо. В этот день в Центральном Доме литераторов собрались писатели, артисты, гости из республик, трудящиеся столицы.

Вечер открыл Николай Грибачев. О жизни и деятельности Тоголона Молдо рассказал собравшимся известный киргизский поэт Кубанычбек Малинов. Затем выступили: Гафур Гулям (Узбекистан), Леонид Вышеславский (Украина), Бени Сейтанов (Туркмения), Гафар Мирзоев (Таджикистан), Имран Сеидов (Азербайджан).

Стихи великого акына читали: народный артист СССР М. Царев, поэты Татьяна Стрешнева и Василий Журавлев. Со словами благодарности к собравшимся обратился первый секретарь правления Союза писателей Киргизии Тонтоболот Абдумомунов.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

ПО ВСЕЙ УКРАИНЕ

ЕСЛИ просто сказать, что на карте Украины нет «белых пятен»,—это *ничего не* удивит. Но мы имеем в виду ту карту, на которой отмечаются поездки и встречи украинских писателей с жителями городов и сел республики. Все меньше и меньше остается городов и районов, где бы они не побывали с творческими отчетами. Особенно участились выезды писателей в последнее время, в связи с подготовкой к предстоящей осенью этого года Декаде украинского искусства и литературы.

Многолетняя дружба связывает поэта-академика, лауреата Ленинской премии Максима Рыльского с трудящимися Житомирской области. Недавно поэт совершил большое путешествие, побывав в Житомире, Коростене, Олевске, Белокоровичах, Новограде-Волынском, Бердичеве, Попельне и многих селах.

На встречах с колхозниками, рабочими, учащейся молодежью, с работниками районных газет и членами областного литобъединения Максим Рыльский как депутат и поэт делился своими мыслями о бурных событиях последнего времени, — и встречи эти, конечно, выходили за рамки обычных «творческих отчетов».

Вслед за М. Рыльским совершил многодневную поездку и поэт-академик П. Тычина. Он побывал в Корсунь-Шевченковском и Городищенском районах Черкасской области, в селе Валяве Городищенского района Павло Тычина, Иван Ле и Антон Хижняк возложили венок из свежих цветов на могилу рабочего поэта Пантелея Махини.

На днях у трудящихся Ракитнянского района, Киевской области, побывали Олесь Гончар, Василий Земляк и Дмитрий Белоус. В последнее время почти все крупные украинские поэты, прозаики, драматурги выезжали на встречи с читателями. Микола Бажан был в Врацлаве на Винничине, Михаил Стельмах — на Измаильщине, Андрей Малышко — на Тернопольщине, Юрий Збанацкий—в Волынской области, Любомир Дмитерко и Иван Ле — на Житомирщине, Петро Козланюк — на Станиславщине, Леонид Первомайский — на Черниговщине, Петро Панч — в Черкасской области, Степан Олейник — на Белоцерковщине. Состоялись коллективные выезды киевских писателей — в Запорожье, Харьковчан — в соседнюю Белгородскую область, херсонских литераторов — в Каховку.

КИЕВ. (Наш корр.)

ПИСАТЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛЮДИ ВЕЛИКОГО ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ

Александр БЕК

ЕЩЕ РАЗ О «КАБИНЕТЕ МЕМУАРОВ»

НУЖНО ли вновь и вновь доказывать необходимость возрождения «кабинета мемуаров», некогда созданного А. М. Горьким при редакции задуманной им серии сборников «Люди двух пятилеток»?

Пожалуй, это излишне. Общественное мнение, выразившееся в немалом числе писем, устных высказываний, выступлений на страницах печати, уже, на наш взгляд, определилось: забытое начинание Горького следует восстановить.

Пора, думается, поговорить о некоторых практических вопросах будущей работы «кабинета».

Недавно я сидел у пожилого профессора, в прошлом заводского инженера. Мой седоватый собеседник рассказывал о тридцатых годах, о командире тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Беседа разогрела профессора, он припоминал множество характерных мелочей, дарил россыпь подробностей, тех, что могла сохранить в памяти только влюбленность, влюбленность в легендарные годы, которые явно были гребнем его жизни.

Во время рассказа вторгся гость — мой давний знакомый, директор завода имени Петровского Илья Иванович Коробов. Он только что докладывал в одном из отделов Центрального Комитета партии о том, как используют на заводах его изобретение — *особый способ* убыстрения хода доменной печи, — пришел возбужденный, веселый, энергичный. В его слегка вьющихся, каштановых с рыжинкой, доставшейся от покойного отца, волосах, не было приметно, несмотря на пятьдесят лет, ни единой седой нити, ни одна паутинка усталости не затуманивала и блеск серых глаз. Он принес с собой ворох горячих впечатлений, пыл семилетки, порыв в будущее. Рассказал, не присаживаясь, что решено так: создать инициативную группу по внедрению изобретения; послать ее на крупнейшие заводы; руководителем группы утвердить его — Илью Коробова.

— Инициативная группа инженеров! — восклицал он. — Великолепная штука! Бывало ли такое?

...И к седому профессору, влюбленному в тридцатые годы, и к неуемному директору «Петровки», олицетворяющему жаркую влюбленность в современность, в будущее, должны постучаться «беседчики» из «кабинета мемуаров».

Дух современности, вкус к ее изучению, исследованию, познанию, неутомимые поиски рассказчиков, принадлежащих не только героическому прошлому, но, главное, и тех, кто творит наше сегодня, наше завтра, — такова была идущая от Горького давняя традиция «кабинета». Не напрасно он был создан при редакции «Люди двух пятилеток» — этим как бы подчеркивалась его устремленность. Не напрасно в числе тех, чьи живые свидетельства о времени и о себе вызывал к жизни, собирал «кабинет», значительное место занимали люди новых, неведомых ранее профессий, первооткрыватели в науке и технике. Их изустные рассказы, «исповеди сынов века», представляли собой, если воспользоваться словечками нынешних литературных дискуссий, «лирику физиков».

В поле зрения золотоискателей-«беседчиков» находились не только люди зрелого возраста, но и молодежь, обязательно молодежь! В качестве примера назову того же Илью Коробова: в сейфах «кабинета мемуаров» хранилась папка, содержащая восемь или девять стенографических записей — историю жизни этого, в те времена двадцатисемилетнего, начальника доменного цеха. Уже и тогда ему, нынешнему лауреату Ленинской премии, было что сказать.

В этом году мы *склонили головы* над гробом Семена Алексеевича Лавочкина.

Мне привелось несколько раз повстречаться с этим замечательным конструктором, учеником Туполева, творцом самой передовой современной техники. Широкое, крестьянского склада лицо. Короткая, тоже раздавшаяся вширь, крепкая ладонь. Неизменно вдумчивый, спокойный взгляд...

— Остаться наедине с собой и думать, — говорил Семен Алексеевич, — это главная моя работа.

Однажды он негромко (сколько помню, его голос всегда был негромок) признался:

— Мечтаю рассказать о своем пути конструктора. Сегодняшних дел не могу касаться. Но те, которые уже обрели давность, например преодоление звукового барьера, можно изложить во всех деталях. Каждая техническая задача — это часть жизни. И часть книги. Посоветуйте, кому бы я мог ее рассказать?

Горьковского кабинета уже не существовало; я, захваченный другими планами, не смог поработать с Лавочкиным; не сумел и найти для него «беседчика».

Так и осталась непроизнесенной, незаписанной творческая исповедь, что рвалась из души конструктора.

Лишь кое-что — несколько заметок, отрывков — я по давней привычке занес в свою тетрадь. Кратко перескажу здесь один эпизод из истории прославленного самолета-истребителя «Ла-5», — эпизод, имеющий некоторое отношение к нашей теме.

Семен Алексеевич, его конструкторское бюро выпустили опытный экземпляр этой машины незадолго до Отечественной войны. На испытаниях в воздухе новый самолет, однако, не показал качеств, которых, по заявке, по замыслу конструктора, следовало от него ожидать. Несколько раз меняли марку мотора. Это не помогло. Истребитель Лавочкина никак не приобретал в небе той маневренности, скорости, которые, как подтверждали расчеты, он обязан был дать. Приемочная комиссия уже зафиксировала в своем заключении: самолет неудачен, для запуска в серию непригоден. В те дни, когда детище Лавочкина, казалось, было уже похоронено, один из его помощников-конструкторов вспомнил:

— Семен Алексеевич, в Москве где-то лежит забракованный мотор Швецова. Может, попробуем?

С горя попробовали. И произошло нечто поразительное. Об этом я знаю со слов и Лавочкина, и Швецова. Самолет и мотор как бы нашли друг друга. Две считавшиеся неудачными, непринятые конструкции дали в сочетании превосходную новинку авиационной техники— истребитель «Лавочкин-5» с мотором «Швецов-82», тот самый истребитель, на котором лишь Кожедуб сбил 62 вражеских самолета.

Уже нет среди нас ни Семена Алексеевича Лавочкина, ни Аркадия Дмитриевича Швецова. Они уже не могут поведать эту быль — одну из удивительных историй, которыми так богата жизнь. Обоих уже нет, но живы, работают, умножают их наследие друзья, сподвижники, ученики. Кто из них откажется поделиться воспоминаниями о делах, о подвиге ушедших? Бережно восстановить образы скончавшихся замечательных сынов советской Родины — это тоже одна из задач «кабинета мемуаров».

Здесь хочется остановиться хотя бы мельком еще на одной особенности предстоящего нам дела. Рассказчик, даже тот, кто мечтает раскрыть душу, бывает зачастую скован, как бы нем, не находит естественного тона, живых слов, чтобы вольно и ярко выложить пережитое. Молодой литератор — мне уже он видится, этот «беседчик», — тоже нередко за своим письменным столом мучается немотой, слабо знает жизнь, не находит убеждающих подробностей, простых и сильных слов. Но случается чудо, сходное с тем, о котором мы знаем из биографий Лавочкина и Швецова, двух конструкторов, оказавшихся на каком-то перегоне как бы предназначенными один для другого.

Многие стенограммы горьковского «кабинета мемуаров» являли собой порой небольшое, иногда значительное, подобное же чудо: рождалась запись — плод усилий беседчика и бывалого человека. Можно было бы еще немало написать о технологии, которая вырабатывалась для таких чудес. Нам предстоит терпеливо, упорно этому учиться в новом, воскрешенном «кабинете».

Незадолго до девяностой годовщины со дня рождения В. И. Ленина газета «Известия» опубликовала фотоснимок интереснейшего, найденного в архиве документа. Четким, чуть ли не каллиграфическим почерком были выведены заглавные слова: «Коммунистический вексель». Столь же разборчивой оказалась и подпись: «Директор-распорядитель Югосталя Иван Иванович Межлаук».

При взгляде на снимок мне мгновенно вспомнилось: я, посланец «кабинета мемуаров», с жадным вниманием выслушиваю, записываю рассказ Ивана Ивановича Межлаука. В ту пору, в 1936 году, когда раз или два в месяц я приходил к нему, он (вижу и сейчас его всегда бледноватое, точеное, тонкое лицо), сын учителя латинского языка и сам по дореволюционной профессии учитель-латинист, был заместителем управляющего делами Совета Народных Комиссаров. Наши *встречи он называл «философскими субботами».*

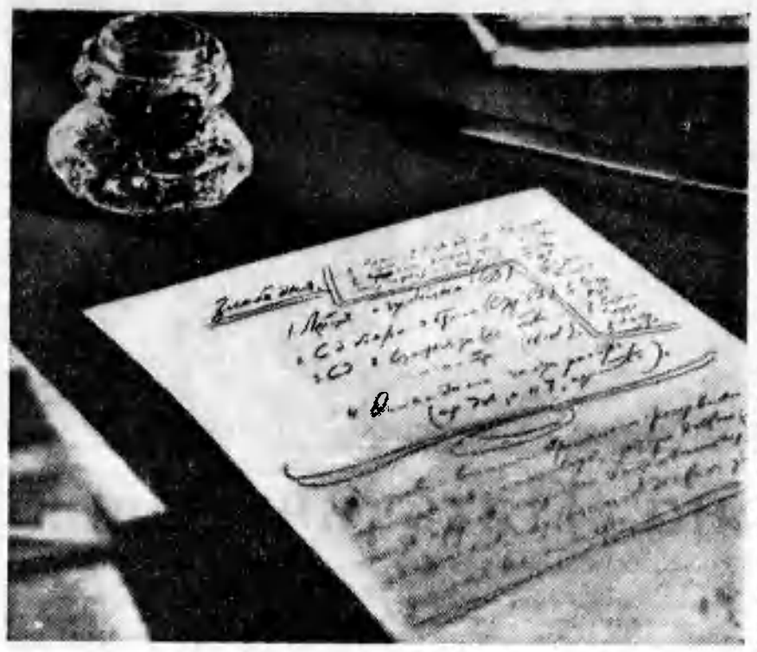
...Иван Иванович рассказал мне, как пришел к Ленину с просьбой утвердить решение президиума Высшего Совета Народного Хозяйства об ассигновании только что организованному тресту «Югосталь» нескольких миллионов золотых рублей. Директор-распорядитель представил все свои расчеты, развернул увлекательный план восстановления южной металлургии. Подумав, Владимир Ильич сказал:

— Пишите вексель. Коммунистический вексель.

Межлаук достал свой блокнот (еще с грифом ликвидированного революцией Русско-Бельгийского металлургического общества) и, тщательно выводя каждую

(Окончание на 2-й стр.)

РУКОПИСИ ИЛЬИЧА



Кадр из фильма «Рукописи Ленина»

КАЖДАЯ отрасль кино воплощает ленинскую тему по-своему, в соответствии со своей спецификой. Фильм «Рукописи Ленина»* решает задачу, характерную именно для научно-популярной кинематографии, более того — доступную только ей: авторы картины на примере одной из рукописей Ленина рассказали о том, как работал Ильич. Задача для короткометражного фильма нелегкая, и решить ее удалось благодаря ряду интересных творческих находок.

Прежде всего необходимо было выбрать характерную рукопись. Размер фильма и статичность материала не позволяли брать крупные по объему труды. Но ведь сравнительно небольших по объему работ у Владимира Ильича сотни. На какой из них остановиться?

Автор сценария выбрал рукопись статьи «Новые задачи и новые силы», написанной Лениным в 1905 году в Женеве. Собственно говоря, не столько всю рукопись, сколько черновой набросок плана статьи. Внимательное творческое прочтение этого документа позволило воспроизвести на экране рождение важной работы, впервые изложившей ряд положений ленинского учения о революции.

Прочтение, точнее говоря расшифровка рукописи и явилась сюжетом фильма.

Известно, что главная трудность в создании фильмов о рукописях — статичность и скудость изобразительного материала. В фильме «Рукописи Ленина» это препятствие преодолено.

Стремительно возникают на экране слова ленинской рукописи. Режиссер интересно использует кинематографическую смену планов: общий план сменяется средним, когда нужно выделить какую-нибудь фразу, и крупным, когда делается акцент на одном, самом важном слове.

Процесс ленинского мышления захватывает зрителя. А. М. Горький говорил, что ленинская мысль, как стрелка компаса, всегда поворачивалась в сторону интересов рабочего класса. Кинокартина убедительно показывает нам эту черту великого вождя.

В картине использованы фотографии, газеты, фильмотечный материал. А в момент, когда ленинская мысль достигает высшего напряжения, с экрана на нас смотрят острые, «без промаха бьющие» глаза Ильича (портрет вождя написал специально для съемок художник студии Г. Тарасов).

Кадры сопровождаются голосом диктора Л. Хмары, который читает текст рукописи и тут же комментирует его.

...Увлеченные ходом ленинской мысли, в какой-то момент вы словно встречаетесь с живым Лениным. Как бы приостановившись возле его письменного стола, затаив дыхание, с волнением следите вы за работой гения революции.

Это-то и делает фильм захватывающе интересным.

В. МАТЛИН

* Автор сценария Г. Фрадкин, консультанты М. Стешова, М. Власова, режиссер Ф. Тяпкин, оператор А. Фирсов; производство студии «Моснаучфильм».

НЕ ТЕРЯЕМ ЛИ МЫ ЛОМОНОСОВЫХ?

Александр РОТАРЬ

ПО ТРАДИЦИИ

Скоро вузовские аудитории заполнят абитуриенты. Они придут с полей и строек, из заводских цехов и армейских подразделений. А другие и прямо со школьной скамьи. Все они будут очень разными — по знаниям и способностям, характерам и темпераментам, склонностям и жизненным запросам. Одних приведет к нам уже определившаяся любовь к профессии, другие придут по совету родителей, третьи... Что ж, немало и таких, для которых нужен только диплом, а какой — дело десятое...

С волнением молодые люди сядут против меня, чтобы получить оценку своих знаний и навыков. Ничто другое не вмещается в рамки пятибалльной системы оценок. Умение решать логарифмические уравнения я учту, а вот тем, что привело к нам юношу или девушку, даже не поинтересуюсь: для этого у меня не будет ни времени, ни полномочий.

Может быть, это сделает кто-либо другой? Ничего подобного! Получив оценки по четырем-пяти предметам, поступающий сдаст свою экзаменационную карточку в приемную комиссию. Там подсчитают общий балл, учтут стаж работы, производственную характеристику и вывесят списки принятых. Так было в прошлом году, так, очевидно, будет и в этом. Экзаменаторы спрашивают «от сих до сих», и это решает судьбу человека. Такова традиция. Но хороша ли она? Не пришло ли время кое-что решительно изменить в системе приема в высшие учебные заведения?

ПОД ОДНУ ГРЕБЕНКУ

Каждое лето на прилавках книжных магазинов появляется справочник для поступающих в высшие учебные заведения. Он ежегодно переиздается с небольшими изменениями: в списке вузов добавляется несколько новых названий, в правилах приема перечисляются новые льготы производственникам, в программах вступительных экзаменов... Впрочем, о них хочется сказать особо.

Заглянем, например, в программу приемных экзаменов по математике.

Она начинается с перечня того, что «по математике экзаменующийся должен показать...» Где? В каком вузе? Для получения какой специальности? Неизвестно! Здесь совсем не учитывается, что в разных институтах поступающему предъявляют **разные** требования. Вузы и факультеты с математическим уклоном несравнимы по требованиям математической подготовки с большинством технических учебных заведений, а последние — с экономическими институтами.

Поступающим и без программы известно, что, например, Московский физико-технический институт, помимо устного экзамена по математике, проводит пятичасовой письменный, а экономические вузы ограничиваются лишь устной проверкой знаний. О каком же всеобщем «должен показать» идет речь? Для чего же тогда программы? Ведь очевидно, что они должны знакомить абитуриента с требованиями того вуза, куда он поступает, а не какого-то абстрактного «вуза вообще».

— Что же, каждому институту создавать свою программу?

Зачем же каждому? Но разве все медицинские вузы страны не могли бы составить свою программу, строительные — свою и т. д.? Разве пятьдесят-шестьдесят, ну, скажем, сто лишних книг истощили бы государственную казну? Разумеется, нет! А вот польза была бы огромная. Раскроет такую книгу юноша, собирающийся стать учителем, и найдет в ней мудрые советы мастеров педагогического труда. Они расскажут не только о розах, но и о шипах своей профессии, о тех качествах, которыми должен обладать будущий педагог. Ничего не приукрашивая и не чернил, они помогут разобраться в самом себе не сквозь романтическую дымку, а трезво, как и полагается при выборе пути на всю жизнь.

Программу следует уточнить. Мало вставить пункт: «Рациональные числа». Нужно еще показать, в каком объеме понадобится знание этих чисел в данном вузе, на какой учебник лучше всего ориентироваться, какой трудности примеры встретятся на экзамене.

Это нужно и для облегчения подготовки в вуз, и, главное, для самопроверки поступающих: а туда ли они идут? Здесь ли их призвание?

ПРИЗВАНИЕ! А МОЖЕТ БЫТЬ, СРЕДНИЙ УРОВЕНЬ!

Есть еще и такое зло: погоня за неучами. Парадоксально? Посмотрим. Кто пользовался до сих пор самыми большими льготами при поступлении в вуз? Производственники? Демобилизованные? Нет, физкультурники!

Стоило боксеру тяжелого веса получить натянутые тройки, как он приобретал право готовить себя к деятельности, скажем, философа.

Во многих вузах для тех, кто имел спортивные разряды, экзамены устраивались заблаговременно. Провалится футбольных дел мастер в медицинском институте, заберет документы и через неделю сдает экзамены в рыбном. На днях в Педагогическом институте имени Ленина я прочитал объявление: «Абитуриенты, имеющие спортивный разряд, должны зарегистрироваться на кафедре физического воспитания». Многообещающее объявление!

Нельзя подменять массовую физкультурную работу погоней за неучами-разрядниками. Это несправедливо. Это, наконец, вредно для того дела, которое институт обеспечивает кадрами. Но для дела вредно и другое.

Независимо от будущей специальности абитуриент пишет экзаменационное сочинение. Собираешься стать фармацевтом, докажи свое умение «раскрыть образ» Печорина. Мне жаль Лермонтова! А ведь можно было бы... Хочешь стать архитектором? — расскажи, почему! Или напиши, что тебе известно из истории архитектуры, или поведай об интересных зданиях в твоем городе, или... Да мало ли на чем можно распознать людей, влюбленных в свою будущую профессию, и случайных охотников за дипломами?

История знает немало примеров того, как люди талантливые и даже гениальные в одной области, не проявляли способности в другой. Менделеев получал в гимназии двойки по латыни. Это не помешало ему обогатить мировую науку. Возникает вопрос: а не теряем ли мы Менделеевых, Павловых, Ломоносовых, предъявляя им требования, ненужные для их будущих профессий?

Знания, производственный стаж, литературная грамотность — все это заслуги, которые надо учитывать, но где же здесь призвание, увлеченность будущим делом — по душе, на всю жизнь? Что такое студенческий билет? Награда за заслуги или аванс тому, кто вернет долг с процентами?

В театральных, музыкальных, художественных учебных заведениях прежде всего проверяется призвание. Неужели оно нужно только в искусстве? Разве не нужно призвание, чтобы прокладывать новые пути в науке, создавать чудесные машины, продлевать человеческую жизнь, воспитывать в ребенке «Человека с большой буквы»? Но разве можно проверить призвание знаниями «от сих до сих»?

Эти мысли тревожат, заставляют искать выхода, но начнутся экзамены, и пойдет обычное:

— Докажите теорему Безу... «Иудушка Головлев был...» «Массой тела называется...» А затем общий балл и...

Неужели так и должно быть?

ПЕРЕГРУЗКА И ПРИЗВАНИЕ

А вот если так не будет, мы победим и другое зло — перегрузку школьников. Отчего у нас перегрузка? Не потому ли, что мы даем обязательные темы для всех, а сверх того еще темы, скажем, необходимые будущему физику, но и они преподносятся тоже всем? Но ведь большинство школ имеет по два-три параллельных класса, а если нет, то от одной школы до соседней не так уж далеко. Разве нельзя сделать старшие классы разными по направлениям: технический, гуманитарный, естественный? Программу технического класса можно разгрузить сокращением гуманитарных дисциплин, и наоборот.

Склонности и способности, или то, что мы называем призванием, обычно проявляются у ребят к восьмому-девятому классу. Тут-то и нужно помочь старшекласснику найти себя, а убедившись в правильности его выбора, пойти навстречу его призванию. Это гораздо легче и умнее, чем насильно вдалбливать в голову знания, обреченные лежать там мертвым грузом. От разделения выиграли бы и сами старшеклассники, и производства, и вуз.

Мне могут сказать, что специализация предусмотрена законом о перестройке школы. Но делается это зачастую без индивидуального подхода к ученику. В 475-й московской школе, например, производственную практику проходят 170 учеников. Все они приобретают одну из двух специальностей: сборщика или наладчика.

А ведь среди них есть будущие врачи и педагоги, агрономы и химики. Разве нельзя было бы дать им возможность трудиться сообразно своим вкусам? Тут была бы и проверка призванию, и его развитие, и уменьшение перегрузки.

ОПЯТЬ «СРЕДНИЙ УРОВЕНЬ»!

В последние годы при многих вузах страны работают подготовительные курсы. Они объединяют тысячи и тысячи слушателей, а желающих значительно больше. Многие остаются непринятыми, но... странное дело. Уже через неделю после начала занятий аудитории редеют. Через несколько месяцев остается половина первоначального состава, а поступает в институт еще меньше. В чем же дело?

На курсы приходят люди, закончившие разные учебные заведения в разное время. Одни унесли оттуда хорошие знания и сохранили их, а другие, мало взяв, многое забыли. Считаются ли с этим руководители курсов, например при Высшем техническом училище имени Баумана или при Московском энергетическом институте? По существу, нет. Все учатся по единому плану с одной и той же дозировкой времени. Преподаватель, ориентируясь на «среднего», заставляет скучать хорошо подготовленную треть слушателей и остается непонятым другой. Одни уходят потому, что темп работы им не под силу, а другие — жалея время на излишнее «разжевывание».

Не разумнее ли принимать на курсы с разбором, а затем разделить слушателей по состоянию их знаний на три потока? Одному достаточно шесть месяцев работы, для другого — год, а третьему — полтора-два года.

Побывайте на курсах при двух разных технических вузах. Если вам заранее не сообщить названия институтов, то вы не определите, где готовят будущих энергетиков, а где — авиационных конструкторов. Одни и те же предметы проходятся в одном и том же объеме. Не отсюда ли начинают свой путь те «серенькие» инженеры, которым безразлично — конструировать паровозы или налаживать ткацкие станки?

А люди, которые будут командирами производства, учеными, врачами, не должны быть «серенькими»!

ЛЮДИ ВЕЛИКОГО ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

букву, выдал обязательство сроком на один год: «...повинен я, по получении определенных Югостали... оборотных средств, поставить тов. Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину)... с Петровских, Макеевских и Юзовских заводов Югостали 6.000.000 пудов чугуна и 4.000.000 пудов катаного металла, а всего 10.000.000 пудов черного металла».

Интересна дальнейшая история этого «коммунистического векселя». Иван Иванович Межлаук увлекся, размахнулся, повел восстановление слишком широким фронтом и... сорвался. Был на время сорван и трудный шаг металлургии Юга, едва поднимавшейся из омертвления. Уже задутые доменные печи пришлось снова тушить. Выданный Ленину «коммунистический вексель» Межлаук оплатить не смог. Новая встреча с Ильичем. Ленин достал вексель. Урок был жестоким, хотя Владимир Ильич и предоставил отсрочку и не лишил молодого директора своего доверия... Иван Иванович повествовал обо всем этом с привлекательной мужественной прямотой.

Мы, советские писатели, тоже в свое время выдали «коммунистический вексель»: обязались собрать, сохранить драгоценные свидетельства — рассказы современников, обязались выпустить серию сборников «Люди двух пятилеток».

Наш вексель не погашен. Возьмемся же теперь за оплату своего долга. Вкладывая в эту работу пламень сердца, не забудем о деловитости, которую заповедал Ленин. Надо собрать все, что уберегли годы, в сокровищнице горьковского «кабинета». И не только там. Богатым собранием стенограмм располагала редакция газеты «За индустриализацию». Интереснейшие записи хранились в редакции газеты «Гудок», где готовился сборник «Люди железнодорожной державы». Немало стенограмм могут разыскать писатели в своих архивах. Существуют и неопубликованные воспоминания некоторых, ныне покойных, выдающихся людей, например мемуары и обширные дневники академика Ивана Павловича Бардина, неизданные главы записок «отца русской металлургии» Михаила Александровича Павлова и так далее. Думается, если новый «кабинет» завоюет доверие,— это приходит не сразу и не само собой,— к нему отовсюду потекут бесценные человеческие документы.

И, наконец, самое главное: возьмемся за новые записи.

Пусть в особенности ощутят наше внимание старые большевики, участники Октябрьского переворота и боев гражданской войны. Столь же любовно мы обязаны записать воспоминания и тех, кто в солдатской шинели — солдатами с гордостью зовут себя и маршалы, и рядовые бойцы — прошел дорогу испытаний и побед Великой Отечественной войны, дорогу, что вовек останется немеркнущей.

Собрание стенограмм, а также дневников и, возможно, писем станет предметом изучения для историков.

Не меньшее значение оно, это собрание, будет иметь и для писателей, поможет освободиться от некоторого однообразия героев и сюжетов, чем страдают многие из нас, познакомит с новыми как вечно нова жизнь, драматическими поворотами, неожиданными столкновениями, цельными характерами, порожденными революционной эпохой.

Инициатором, организатором нового «кабинета мемуаров» может, по-моему, стать наша «Литературная газета», объединяющая и нас, пишущую братию, и широкие круги читателей, людей различных возрастов и всех профессий.

Будем постепенно собирать яркие, содержательные, наполненные до краев жизнью рассказы современников о своем пути, о подвиге народа. Скажем заранее: в этой работе будут и неудачи, и полуудачи. Наверное, далеко не все рассказы появятся в печати. Кстати замечу, что взятая с самого начала, так сказать, «установка» на опубликование зачастую лишь сковывает рассказчика, мешает ему. Лучше обойтись без такой предназначенности. Надо ясно установить: «кабинет мемуаров» — не издательство.

И все же некоторая часть собранного, несомненно, составит серию книг. Это, как говорится, особая статья, особый разговор. Исподволь подготовляя такие книги для издательства, выпуская их из года в год, мы, хочется надеяться, сможем дать читателю к полувековой годовщине Октября библиотечку, что составит некоторое количество томов. Просится на язык ее название: «Люди великого пятидесятилетия».

ПО ГОРОДАМ СТРАНЫ

Севастополь.

Рисунок Д. НАДЕЖДИНА

Джеймс Олдридж в СССР

Сегодня из Ленинграда в столицу прибывает известный прогрессивный английский писатель Джеймс Олдридж с семьей. Неделю наши гости пробудут в Москве, а затем выедут отдыхать на Черноморское побережье Крыма.

Литературное обозрение

ЖИЗНЬ ЩЕДРЕЙ!

Е. Карпов
«СДВИНУТЫЕ БЕРЕГА»
Журнал «Нева» № 4 1960

Один из главных героев повести Е. Карпова Геннадий Гуляев всю жизнь мечтал о встрече с необыкновенными людьми, о чудесных странствиях и небывалых подвигах... Шло время, но ничего необыкновенного не случалось. Он примирился со своей, как ему казалось, неинтересной и скучной жизнью. Только иногда в душе все-таки просыпалась тоска по «необыкновенному», и ему чудились молчаливые, суровые люди, которые придут к нему однажды и «поведут... во льды Арктики, прикажут спуститься в... морскую бездну... лететь в космос».

Так намечается в душе героя тот извечный конфликт между юношеской мечтой и «прозой» жизни, который решается далеко не сразу и совсем не легко.

Повесть молодого писателя проникнута раздумьями о судьбах людей, о пути их к счастью. Идеализированный, выдуманный мир Геннадия Гуляева отступает перед красотой действительной жизни, пусть трудной, тревожной, подчас неустроенной, но героической и исполненной большой цели. Геннадий, приехав на строительство Сталинградской ГЭС и оказавшись в гуще жизни, понимает это все ясней. В самых обыкновенных людях находит он теперь и благородство характера, и готовность к подвигу, которые грезились ему когда-то в суровых и молчаливых героях его давней сказочной мечты. И жизнь щедро открывает перед юношей широкие возможности труда, творчества, счастья.

Духовный мир персонажей повести «Сдвинутые берега» не ограничивается только производством, хотя именно тема труда и стала здесь главенствующей. Молодой писатель, которому неплохо даются сцены, рассказывающие об энтузиазме, окрыленности людей в труде, стремится всерьез разобраться и в чувствах, радостях, печалях своих современников. Обращаясь к сфере нравственности и морали, Е. Карпов далек от изображения идиллического благополучия жизни рабочей молодежи. Герои повести идут к пониманию смысла жизни и своего места в ней трудным путем — путем серьезных внутренних раздумий, а то и сомнений, ошибок. Нелегко расстается со своим призрачным, выдуманным миром Геннадий Гуляев, в трудных жизненных испытаниях закаляется характер Олега Степанова.

Это умение автора показать сложность судеб и характеров людей, не сглаживая острых углов, выразить свое время через духовный мир героев — одно из бесспорных достоинств повести молодого писателя.

Е. Карпов настойчиво ищет то «особенное», индивидуальное, что отличает людей друг от друга. Почти у каждого из персонажей повести — свой характер, своя судьба. Это и Дмитрий Скирдин — человек широкой души, и поэтичная, нежная Вера Твердохлебова, и Олег Степанов с его тоской по настоящему делу. И многие другие герои повести. Счастье всех этих людей, как показывает нам автор,— в ощущении своей необходимости, в преданности общему большому делу.

Правда, не всегда Е. Карпову сопутствует успех. Склонность его к лирико-философским обобщениям иногда оборачивается рассудочностью или скучной назидательностью. Не все характеры выписаны с достаточной полнотой и убедительностью. Почему например, Леля, первая жена Дмитрия Скирдина, из мягкой, романтичной женщины, с глазами, похожими «на звездочки, не успевшие погаснуть на утреннем небе», превратилась в конце в сварливую и грубую мещанку? И как она распорядилась в дальнейшем своей сломанной жизнью? Леля внезапно исчезает со страниц повести, — создается впечатление, что героиня только-то и понадобилась писателю, чтобы «осложнить» внутренний мир Дмитрия.

Есть в повести недостаток и более существенный. Порой создается впечатление, что спор с ложной романтикой, который успешно ведет Геннадий Гуляев, превращается для него в конечном счете в отрицание высокой поэзии личной жизни и любви. Это особенно отчетливо видно в образе Люды, по сути дела, не удавшемся писателю. В повести ей посвящается много хороших слов, но, помимо воли автора, перед нами вырисовывается существо ограниченное, с бедным духовным миром. Что стоит, например, покупка ею магнитофона для того, чтобы записывать для будущих своих детей собственные «возвышенные» мысли! «Вас еще нет на свете, но вы обязательно будете... А сейчас вы услышите папин голос. Он расскажет, как родилась наша хорошая дружеская семья». Дело, конечно, не столько в самих словах. Есть глубокие, целомудренные, нежные чувства — матери, возлюбленной, жены, которые боятся пышных слов и рассуждений. Во всяком случае правдиво их не выразишь, позируя перед магнитофоном. Поэтому не удивительно, что эти «выступления» Люды, написанные к тому же вообще не свойственным Е. Карпову выспренним стилем, ни о чем другом не могут говорить, как об отсутствии в героине глубины характера и душевной тонкости. Но разве разоблачение Люды входило в замысел автора?

Е. Карпову предстоит еще серьезная работа над языком. Нет-нет, да и появится у него то ложная красивость, то банальная сентенция. Вряд ли хорошо, например, сказать так: «Мой бедный желудок чуть не взвыл от тоски и злости» или — Дмитрию казалось, что он летит в «чреве металлической птицы».

...Нередко рецензии на книгу кончаются примерно так: «Недостатки не портят общего впечатления от произведения». Мы не скажем этого Евгению Карпову. Не скажем потому, что недостатки портят любую книгу любого автора — и маститого, и начинающего. Но мы видим залог будущих успехов молодого писателя в том хорошем, что есть в этой повести, в активности его мировосприятия, в живом интересе к коренным вопросам современности.

Н. ГУБКО

В УГОДУ ВНЕШНЕЙ ЗАНИМАТЕЛЬНОСТИ

Н. Пияшев
«ВОРОВСКИЙ»
Издательство «Молодая гвардия»

Книге Н. Пияшева о Вацлаве Вацлавовиче Воровском, выпущенной в научно-популярной серии «Жизнь замечательных людей», нельзя отказать в интересном фактическом материале. Среди биографических очерков о Воровском это по объему самая большая работа. Если о партийной деятельности Воровского дореволюционных лет мы могли прочитать в книгах и статьях В. Бонч-Бруевича, Я. Ганецкого, В. Калашниковой, в воспоминаниях старых большевиков, то многие сведения, приведенные автором,— о дипломатической службе Воровского, о его деятельности в Стокгольме, в Гослитиздате, — мы узнали впервые. Собрав многочисленные статьи, письма, архивные документы, автор, несомненно, проделал значительную работу. Но вот вы читаете эту книгу и ощущаете, как с каждой новой страницей у вас растет чувство неудовлетворенности и внутреннего протеста. Против чего же? Прежде всего против той слишком вольной, а иногда и просто развязной манеры, которая характерна для повествования и которая, видимо, по мысли автора, должна придать этому повествованию живость и занимательность.

«Воровский остановился. Девушка была в том возрасте, когда угловатые девичьи черты начинают приобретать плавность, движения замедляются, а фигура принимает округлые формы... Вскоре их дружба, — сообщает несколько ниже автор, — переросла в любовь, и они поженились». Так говорится о знакомстве Воровского с его будущей женой Д. М. Мамутовой.

«Тонкие длинные пальцы его вздрагивали», «на бледных щеках вспыхивали пятна огненного румянца» — такие выражения призваны дать «образное представление» о том, что Воровский нервничает или волнуется.

А вот сценка под Новый год: «Подняв воротник теплого пальто, Воровский бережно нес заветную бутылку шампанского. У Бончей застали компанию: В. И. Ленин, Н. К. Крупская. А В. Луначарский с женой... Бонч наряжал елку. Ровно в 12 подняли бокалы и выпили за новый, 1907 год. Теперь было ясно, что силы революции иссякли, что буржуазия растеряла весь свой революционный пыл...» Почему именно после новогодних тостов стало ясно, что силы революции иссякли и буржуазия растеряла весь свой пыл, отнюдь не ясно. Зато абсолютно ясно, что нельзя в такой безвкусной и фамильярной манере писать в научной, пускай и популярной книге о человеке высокой культуры и тонкого эстетического склада.

У Н. Пияшева есть отдельные упоминания о литературной деятельности Воровского, но Воровского-литератора, борца за социалистическое искусство, Воровского — боевого публициста-ленинца в книге нет. И это, конечно, один из главных ее недостатков, ибо обойти литературную деятельность Воровского, значит представить его жизнь крайне односторонне и обедненно. Воровский «выжигал каленым железом фальшь в искусстве и в литературе», его «живой голос» литератора «звучал в дни мрака и уныния грозно и уверенно», примерно несколько таких декларативных фраз — вот почти все, что говорится о борьбе Воровского на литературном фронте.

Буквально одной, походя брошенной фразой — «критик отстаивал решающую роль мировоззрения в художественном творчестве» — автор отделывается от очень сложного вопроса, в котором и сам Воровский, вопреки положению автора, не избежал противоречий и ошибок. Когда же заходит речь о том, что Воровский «продолжал путь, намеченный Белинским, Чернышевским, Плехановым», — в подтверждение приводятся слова о том, что Воровский руководствовался правилом: «выделять жемчужные зерна из массы суррогата и отсылать читателя, слушателя, зрителя... к вечному и подлинному...». Цитата хороша, но разве из нее видно, почему Воровский — продолжатель традиций Белинского, Чернышевского, Плеханова?

Автора привлекает не анализ, не существо литературной деятельности Воровского, а внешняя, эффектная сторона этой деятельности. Он предпочитает игриво рассказывать о личных отношениях Воровского с некоторыми одесскими писателями, о его столкновениях с властями, о том, как он менял псевдонимы или же реагировал на свои выступления в печати. Кстати, этому последнему вопросу уделяется в книге немало внимания. Автор приписывает Воровскому совершенно чуждое ему самолюбование своими статьями. В книге, по воле автора, у Воровского буквально «кровь бросается в лицо», когда он читает хвалебный отклик о своей работе.

«Вот видишь, мой литературный талант начинает приобретать мировую известность, а ты не ценишь», — эту фразу говорит Воровский жене, после того, как он прочитал письмо польского социал-демократа Тышко с предложением писать в варшавский еженедельник «Трибуна» (при чем здесь «мировая известность», если журнал издавался в России).

Видимо, и в данном случае, как и во всей книге, восторжествовало неоправданное стремление к внешней занимательности. В жертву ей и принес автор серьезность и взыскательность исследователя.

О. СЕМЕНОВСКИЙ

ПЕСНЯ О ДВУХ РОДИНАХ

Хулио Матеу
«ДВЕ РОДИНЫ»
Стихи. Перевод с испанского
Издательство «Молодая гвардия»

За плечами у испанского поэта Хулио Матеу — годы революционной борьбы, крепость Сан-Кристобаль, фашистский концентрационный лагерь. В Советском Союзе поэт нашел свою вторую родину.

Шлифовщик завода имени Лихачева Матеу читал свои стихи товарищам по литературному объединению. Увидев свет вначале в многотиражке, стихи Матеу затем стали появляться в центральных газетах и журналах и вышли отдельной книгой в русском переводе.

Любовь к родине выражена испанским поэтом с таким драматическим напряжением, с такой силой и страстью, что стихи заинтересуют не только любителей поэзии, — они взволнуют каждого человека, в сердце которого живет это большое чувство.

Поэт мечтает вернуться на родину «хотя бы в трюме парохода, хотя б пешком, хотя б ползком». Он со сладостным волнением представляет, как прильнет к береговым утесам, вдохнет «рыбачьих хижин дым». В стихах Матеу простые слова, даже не возвышенные метафорой, приобретают такую силу образности, что каждое слово становится зримым и ощутимым, Такова правда выраженного в них чувства. Оно вызывает абсолютное доверие, ничто не кажется здесь сыгранным — все пережито, и потому так трогают

(Окончание на 3-й стр.)

МАСТЕРСТВО, ЕЩЕ РАЗ МАСТЕРСТВО!

ДОМ без книги — день без солнца, — гласит современная татарская пословица. Пословица не только татарская. Она получила права гражданства во всей стране, на всех языках. Это можно было видеть воочию в июньские дни в Мордовии.

Три дня, с 24 по 26 июня, длилось выездное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР. Первыми по проблеме «Правда жизни и литература» еще до вступительного слова Леонида Соболева высказались многие читатели. Им предоставили свои страницы республиканские газеты: «Советская Мордовия», «Эрзянь правда» и «Мокшень правда».

Разговор о литературе проник в цехи заводов: электролампового, экскаваторного, медицинских препаратов, завода «Электровыпрямитель». Этот разговор шел на встречах читателей с писателями в аудиториях Мордовского государственного университета, у строителей и железнодорожников, в стенах Мордовского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и экономики, в городском парке, где состоялся вечер дружбы народов.

— Это значительное событие в культурной жизни нашей республики,— сказал первый секретарь Мордовского обкома КПСС Г. Осипов, приветствовавший участников выездного заседания секретариата.

Выросли и окрепли литературы автономных республик, но вырос и читатель, выросли его требования. Доклад секретаря правления Союза писателей РСФСР А. Кешокова «Правда жизни и литература» вызвал оживленные прения. Главное место занял в них вопрос о мастерстве. Его касались почти все. Остановившись на ряде проблем, связанных с развитием детской литературы, С. Михалков сказал:

— Никакая актуальность не может подменить мастерство. Чем актуальнее тема, тем с большим мастерством она должна быть воплощена в художественном произведении.

— Сама жизнь выдвинула перед писателями наших республик, — говорил В. Юхнин (Коми АССР), — строгие требования.

Н. Рыленков анализировал сборник стихотворений С. Вишневского «Снова лето» и роман в стихах народного поэта Чувашии П. Хузангая «Семья Аптраман».

— Я считаю,—сказал Н. Рыленков, — что роман в стихах был нужен тогда, когда жил Пушкин, когда не была хорошо развита проза. Меня лично роман в стихах как жанр не устраивает. Хузангай написал роман ниже своих способностей, то есть тех, которых он достиг в лирике. Взял большую тему, но разрешил ее облегченно. Выступление Н. Рыленкова вызвало дискуссию о закономерности появления романа в стихах в молодых литературах.

О мастерстве и необходимости улучшения художественного перевода говорили: А. Софронов, Н. Доризо, В. Кулемин, Г. Корабельников (Москва), П. Хузангай (Чувашия), И. Пиняев (Мордовия).

Тревога за качество перевода, которая прозвучала в речах многих товарищей, означает, что у нас к переводам нет еще настоящей требовательности. Разумеется, нельзя все грехи сваливать только на переводчиков, но есть много примеров, когда отдельные из них к своей работе относятся по-ремесленнически. Было высказано пожелание — специально обсудить в ближайшее время вопрос о состоянии художественного перевода.

Секретарь правления Союза писателей РСФСР С. Баруздин подробно остановился на задачах детской литературы. «Мы иногда забываем,—говорил он,—что книжка, которую читает ребенок, решает его судьбу, судьбу будущего строителя коммунизма». Среди книг, вышедших за последнее время, С. Баруздин выделил повесть Н. Эркая «Алешка» и книгу Я. Пинясова «Живые фонарики» (Мордовия). В повести «Алешка» не найти ни одной строки назидания, но она учит ребенка правильному отношению к труду, заставляет ребенка задуматься над жизнью. Этому же учит и книжка Я. Пинясова.

Содержательные обзоры развития родных литератур сделали К. Васин (Марийская АССР), Б. Кирюшкин, М. Бебан (Мордовия), А. Бутолин (Удмуртия).

Р. Мустафин (Татария) проанализировал книгу «В зареве заката» чувашского писателя М. Белова, критиковал ее за растянутость. Современная проза, подчеркнул он, должна быть лаконичной, сжатой.

Н. Черапкин (Мордовия) рассказал о том, как писатели Чувашии, Мордовии, Удмуртии и Марийской АССР обмениваются литературными полосами на страницах периодической печати. Обмениваются материалами также альманахи на русском языке и журналы на родных языках. Это полезное дело надо всячески расширять.

— Почему, — говорил А. Тимонен (Карелия),—нельзя купить книги Петрозаводского издательства в Саранске, а в Петрозаводске—книги, изданные в Чебоксарах и Сыктывкаре?

Много животрепещущих вопросов было поставлено писателями, но, к сожалению, далеко не на все из них они получили ответы.

— Интересен был доклад Алима Кешокова, — сказал марийский поэт Г. Матюковский, — но его выводы не всегда опирались на анализ фактов.

— Меня смущает некоторая парадность нашего разговора, — заметил главный редактор журнала «Дружба народов» В. Смирнов. — Помимо широких обсуждений, нам нужны и профессиональные встречи.

Г. Юшков (Коми АССР), отмечая недостаточную подготовленность обсуждения, предлагал оперировать меньшим количеством произведений, но глубже анализировать их.

Всего в прениях выступило сорок человек. В заключительном слове А. Кешоков поддержал предложение товарищей обсудить вопрос о целесообразности выпуска журнала, который занимался бы литературами Российской Федерации, а также предложения о постановке на выездных заседаниях секретариата проблемных вопросов: о художественном переводе, романе в стихах, национальной форме и др. Творческий разговор, отметил А. Кешоков, подводя итоги обсуждения, состоялся. Он содержателен и интересен. Участники заседания показали свою заинтересованность в судьбе братских литератур, в борьбе за повышение мастерства наших писателей.

Саранское выездное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР вызвало большой интерес писателей и читателей к литературным вопросам, продемонстрировало серьезный рост литератур Федерации.

Вместе с этим оно показало также необходимость более глубокой и тщательной подготовки к такого рода мероприятиям, необходимость более серьезного ознакомления с каждой из обсуждаемых литератур с учетом их особенностей и специфики.

Издано «Советским писателем»

Белашвили А. Перевал. Роман. Перевод с грузинского М. Квливидзе и Л. Громеко. 315 стр. 30 000 экз. 6 руб. 35 коп.

Боровой Л. Путь слова. Очерки о старом и новом в языке русской советской литературы. 607 стр. 5 000 экз. 13 руб. 40 коп.

Иванов В. Мы идем в Индию. Роман. 617 стр. 30 000 экз. 10 руб. 70 коп.

Кобылецкий Ю. Иван Франко. Очерк жизни и творчества. Авторизованный перевод с украинского И. Карабутенко. 376 стр. 3 000 экз. 8 руб. 85 коп.

Менюк Г. Зеленый край. Стихи и сказки. Перевод с молдавского. 136 стр. 2 000 экз. 2 руб. 70 коп.

Рыбаков А. Екатерина Воронина. Роман. Издание доработанное. 339 стр. 75 000 экз. 6 руб. 10 коп.

Селис Р. Имение Силайне. Роман. Авторизованный перевод с латышского Д. Глезера. 333 стр. 30 000 экз. 5 руб. 85 коп.

Смолич Ю. Разговор с читателем и писателем. Статьи. Авторизованный перевод с украинского Л. Нестеренко. 360 стр. 4 000 экз. 8 руб. 70 коп.

ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

Л. НОВИЧЕНКО

ЧИТАЯ новые романы и повести украинских прозаиков, посвященные темам современности, с удовлетворением отмечаешь, что герои и конфликты их в подавляющем большинстве найдены там, где их и следует искать,— в гуще народной массы, в обстановке напряженного творческого труда советских людей.

В чем состоят примечательные черты лучших книг украинской прозы, посвященных темам современности? Прежде всего в более прочном, чем раньше, внутреннем соединении «производственных» конфликтов с идейно-психологическими и моральными проблемами. Все более отчетливо слышатся на страницах современных книг писательские раздумья о том, каким должен быть простой советский человек в своей трудовой, общественной и личной жизни и каким он не должен, не может быть в свете коммунистического идеала. Одновременно нельзя не заметить плодотворную тенденцию к углублению реалистической убедительности художественного изображения и к его поэтичности, отказ от декларативности, парадности, нарочитой и упрощенной легкости в разрешении больших и малых вопросов, встающих перед героями произведений, повышенное внимание к передаче внутренней сущности человеческих поступков.

Проблемностью, свежестью мыслей и сюжетных ситуаций привлекает повесть И. Муратова «Жила на свете вдова» (журнал «Прапор», №№ 8—10, 1959). В ней подняты вопросы, живо интересующие современников, и в первую очередь —тема подлинной ценности человека в нашем обществе, тема человечности истинной и фальшивой. Действенный гуманизм старого коммуниста-рабочего Петра Дуная, который всю жизнь был «человеком для людей», отдавал свои силы и способности родному пролетарскому государству, противостоит в повести не только цинизму образованного шкурника Всеволода Охтырского, но и обывательской «житейской мудрости» людей, подобных бесхребетному Леониду Бандуренко.

...Но самое интересное в повести — остро, своеобычно очерченный образ главной героини Ульяны. Вот уж кто как будто должен быть фигурой серенькой, обыденной, подтверждающей выдумки разных премудрых пескарей о «негероичности» простого человека! Возможно, и в самом деле молодого Тараса Дуная соединяет с ней одна лишь «постельная любовь»... Но героизм любимого человека — нет, героизм всего народа, увиденный в ослепительной близости, поднял, очистил, закалил и ее, рядовую из рядовых, незаметно облагородил, возвысил помыслы и стремления этой обыкновенной женщины. Вместо того чтобы стать подходящим живым примером для философствующего Бандуренко, Ульяна, исполненная щедрых душевных сил, сама того не подозревая, становится судьей этого заблудшего одиночки, а вместе с тем и его спасительницей.

Рассказ, свидетельствующий о силе духа, которую проявила героиня, звучит убедительным ответом всем тем, кто пытается приписать так называемым «простым» людям свою собственную идейную дряблость и мещанскую ограниченность.

Ясно, что логика нашей жизни, в конце концов, беспощадно бьет по мещанским псевдогуманистическим идейкам...

Повесть И. Муратова не свободна от художественных недостатков (известная иллюстративность образа Бандуренко, выступающего как этакий неугомонный «автокомментатор», кое-где налет риторики и велеречивости). Но в целом — это интересное произведение, затрагивающее острые идеологические и морально-этические проблемы, дающие читателю пищу для серьезных размышлений.

Тема романа Н. Тихого «В путь выходи на рассвете» не новая для нашей прозы. Но рассказ о том, как девушки, не поступив в институт, пошли работать в колхоз (кое-кто успел уже превратить этот сюжет в этакий «верняк», в гладенький штамп), подчинен в романе главному — проблеме формирования характера молодого человека. Автор не торопится как можно скорее довести юную звеньевую до «счастливого конца» (рекордный урожай и награждение), — его интересует не только то, как будет выращена кукуруза, а прежде всего, как духовно, морально крепнут те, кто ее выращивает. Именно поэтому Н. Тихий очень обстоятелен и, мы бы сказали, очень честен в показе не только успехов, но и неудач своих девчат.

Интересно, что серьезные трудности приходят в романе к Ганне Хмельченко уже после того, как ее звено добивается первых значительных успехов. Тут писатель говорит о явлениях, о которых не всегда считают нужным упомянуть иные писатели, хоть и встречаются с ними в жизни: Ганне Хмельченко пришлось преодолевать зависть, недоброжелательство, интриги со стороны отсталых людей. Но не только это. Есть еще опасность зазнайства, головокружения от успехов, ослабления внутренней связи с коллективом, и эта опасность тоже в какое-то время встает перед молодой девушкой.

Принципу проводить людей через серьезные жизненные испытания, которые учат отделять подлинное от мнимого, Н. Тихий остается верным и в показе личной жизни героев. Н. Тихий до сих пор был известен как поэт. Роман «В путь выходи на рассвете» — его первое прозаическое произведение. «Секреты» крупной прозаической формы еще не во всем даются ему: об этом свидетельствуют и явная растянутость романа, перегруженность его не в меру подробными описаниями, и бледность отдельных образов. Но достоинства романа бесспорны, это — произведение, проникнутое поэзией, основанное на вдумчивом художественном анализе жизненного материала.

Стремление художественно утвердить ведущие, положительные начала нашей жизни, обрисовать образ человека, взращенного социализмом, во всей его правдивости и привлекательности радует в подавляющем большинстве прозаических произведений о современности. На примере повести Муратова и романа Тихого мы увидели, как углубляется проблематика украинской прозы, как растет мастерство писателей в исследовании и осмыслении разнообразного материала нашей повседневности. На примере таких произведений, как скажем, повесть «Единая» Ю. Збанацкого или роман «Надежда» Я. Баша, можно наблюдать наряду с этим все продолжающееся расширение жизненной основы, круга живых впечатлений и наблюдений, на которых строится образ современника в нашей литературе. Мы говорим: образ современника, хотя в двух последних книгах речь идет не о делах наших дней, а о событиях Великой Отечественной войны. Но авторам удалось изобразить их так, что книги помогают лучше понять дела и людей сегодняшнего дня.

Центральный образ почти всех лучших произведений современной прозы — образ человека рядового, обыкновенного, изображенного во всей жизненной простоте своего бытия, и вместе с тем человека сознательного, ответственного не только за себя, но и за других, за благо всех. Наша литература, идя от правды жизни, пользуясь разнообразными художественными подходами, способами, формами, утверждает этот образ, показывая могучую духовную силу человека труда, возвеличивая расцвет его способностей в социалистическом обществе.

Скромные, рядовые труженики, которые явили высокий образец стойкости и самопожертвования в дни войны, по-настоящему дороги и Я. Башу, автору романа «Надежда». В возвеличении этих людей, в показе их безграничной преданности Советскому государству, в утверждении ленинского стиля работы партийных и хозяйственных руководителей, в развенчании карьеристов, шкурников, клеветников и интриганов, прикрывавшихся псевдобдительностью, заключается пафос романа. Изображение обороны «Запорожстали», героизма людей, которые под непрерывным огнем врага отливали металл для фронта, а затем демонтировали заводское оборудование, способно вызвать живой, сердечный отклик читателя.

По своей художественной убедительности характеры в романе Я. Баша неравноценны: удачи тут соседствуют с неудачами. Хорошо, что к удачам в романе можно причислить образы людей настоящей трудовой жизни. На первом плане здесь следует поставить главную героиню — молодого инженера Надежду. Мы видим интересную попытку обрисовать правдивый, неупрощенный образ нашей современницы. И то, что ее утверждение в коллективе, в труде прошло не «гладко», что довелось ей столкнуться и с подлыми интригами карьеристов, и с тупой подозрительностью недалеких чинуш, — это тоже часть правды о нелегком пути, который подчас выпадал на долю смелых, принципиальных людей.

Некоторые наши писатели и критики иногда говорят о «простом человеке» советского общества без достаточного выявления того, что сила этого рядового труженика в неразрывном единстве с передовой частью народа — партией коммунистов. Образы «простых людей» обретают в таких случаях нечеткий, какой-то аполитичный, а то и вовсе искаженный смысл. Роман Я. Баша ясно противостоит подобным тенденциям. Руководители завода, изображенного в «Надежде»,—директор Морозов, парторг Жадан, — выступают во главе коллектива не просто «по должности», а благодаря своим политическим и деловым качествам коммунистов, благодаря умению и вдохновению, с которыми они делают свое дело.

Автору «Надежды» следует предъявить, однако, немало серьезных претензий. Не так уж редко на страницах романа можно встретить стилистические погрешности, слово, сырое и неуклюжее, а порой и безвкусицу. Досадно, что писатель не замечает плоскостности, однолинейности некоторых образов. Романист любит наделять персонажей какой-либо одной, комически преувеличенной чертой: например, «индивидуализирует» своего героя одним-единственным словечком, которое тот монотонно повторяет. Так, добродушное ругательство «фараоны» — едва ли не вся «языковая партия» старого заводского садовника. В другом месте писатель заставляет силача Власа Харитоновича совершать в рукопашном бою невероятные подвиги с винтовкой в правой и с лопатой в левой руке... Ясно, что дело не только в примитивности подобных приемов, — дело в том, что здесь «приемом» вообще подменяется создание полнокровного реалистического образа. Зрелый реалистический вкус заключается в умении спокойно пренебречь даже эффектным внешне приемом, когда он не помогает раскрытию действительности.

Самые интересные и значительные произведения нашей прозы за прошлый год свидетельствуют о дальнейшем укреплении связи советской литературы с жизнью, с ее актуальной общественной, философской, моральной, психологической проблематикой. Кое-кто за рубежом в последние годы надеялся, что советские писатели круто повернут в быт, в «частную жизнь» человека, отрекшись от всего того, что было порождено, как там принято говорить, эпохой фальшивого героизма и риторики. Художественная практика украинских прозаиков может служить одним из примеров, убедительно опровергающих подобные прогнозы. Углубление реализма в творчестве советских писателей идет не по тем обывательски натуралистическим, а то и откровенно декадентским «рецептам», которые хотел бы навязать нам кое-кто из зарубежных критиков, а как раз наоборот — на основе пристального внимания писателей к главному и ведущему в советском человеке, что определяет его как исторического деятеля, труженика, борца за победу коммунизма.

Подробностями быта, обстоятельствами личной жизни людей наша литература интересуется самым внимательным образом — без этого нет подлинной полноты и многомерности человеческого образа в реалистическом искусстве, — но интересуется именно для того, чтобы достовернее изобразить героя, способного ответить на главные исторические вопросы эпохи.

НОВЫЕ СТИХИ

Иван ХАРАБАРОВ

***

Я весь из шершавой коры,
Я весь из зеленой хвои,
Я пришел эту землю укрыть,
Уберечь от болезни и хвори.
Я пришел из тайги,
Тяжелы и темны мои руки,
Мои корни — туги,
Мои ветви — упруги.
А в нездешних очах —
Слезы жгучи и солоны,
На смолистых плечах
Дремлют черные соболи.
Принесу я весну
Лесам этим чахлым и редким
И прохладу верну
Этим теплым и мутным рекам.
Я плохого не сделаю,
Вам не быть на меня в обиде,
Я всего лишь зеленое дерево,
Не рубите меня —
любите!

СИНИЕ КАМНИ

Возле реки,
где дымилась кузница,
В уральском поселке «Синие камни»
Я вышел из тряского, звонкого кузова,
Покрытый царапинами и синяками.
«Скажите, —
я робко спросил у прохожего,—
Где бы увидеть мне
синие камни?»
Он удивленно развел руками:
«Что вы!
Здесь нет ничего и похожего».
Я останавливал каждого встречного,
Я заговаривал со стариками:
«Где здесь находятся
синие камни?»
Люди в ответ объясняли вежливо:
«Это ведь просто названье,
поймите,
Синих камней
у нас нет и в помине».
А мне не терпелось
те камни увидеть,
А мне так хотелось
те камни потрогать,
И долго бродил я,
печалью убитый,
Возле деревни
по травам, по тропам.
Потом я уснул среди стружек белых
В избе,
где сушились смолистые кадки,
Приснился мне синий и солнечный
берег,
Приснились мне
синие-синие камни.
Про них мне звенели
зеленые ели,
Про них мне шептали
сосновые дали,
Они то светлели,
то снова синели,
Они меня звали,
они меня ждали.

«ДОБРОДУШНЫЙ ФЕЛЬДШЕР»

ОТКРОЙТЕ четвертый том последнего издания Куприна. Найдите «Макрель» — вторую новеллу «Листригонов», то место, где описывается, как балаклавцы провожают уходящих в море рыбаков... «Остальные жители поголовно на берегу: старики, женщины, дети, и оба толстых трактирщика, и седой кофейщик Иван Адамович, и аптекарь, занятой человек, прибежавший впопыхах на минутку, и добродушный фельдшер Евсей Маркович...»

С этим-то «добродушным фельдшером» — Евсеем Марковичем Аспизом — и свел нас на днях летний московский дождь, который загнал прохожих в подъезды и весело хозяйничал на тротуарах. У входа на станцию метро «Ботанический сад», под аркой, рядом с нами остановился красивый старик с массивной тростью, в белой шляпе. Завязался случайный разговор. И вдруг наш собеседник мимоходом обронил:

— Куприн как-то рассказывал мне...

— Вы знали Куприна?!

— Мы с Александром Ивановичем были друзьями...

Жизнь Евсея Марковича сложилась необычайно интересно. В 1896 году после окончания фельдшерской школы он поехал в Киев, чтобы держать экзамены в университет, принял участие в демонстрации против зверского обращения тюремных властей со студенткой Ветровой, был арестован, а затем выслан. Пришлось вернуться в Гомель, к родным... Через два года Аспиза арестовали вторично — за распространение листовок о Первом съезде РСДРП. Выйдя из заключения, он уехал в Балаклаву, где и проработал городским фельдшером с 1900 по 1922 год.

Его знали все. Приезжавшие в Балаклаву писатели, артисты, ученые обязательно знакомились с Аспизом. Часто знакомства переходили в дружбу. С. Елпатьевский, рекомендуя В. Короленко поехать в Балаклаву, советовал ему сразу же обратиться к Аспизу: «Это превосходный человек, друг и любимец всей балаклавской бедноты, превосходно знающий всю Балаклаву, и лучше всех сумеет устроить Вас»*. В 1909 году С. Скиталец написал: «Нигде в Крыму не удавалось нам жить уютно и спокойно кроме Балаклавы. Я объясняю эту удачу встречей и знакомством с Е[всеем М[арковичем] А[спизом]».

Евсей Маркович показал нам свою гордость — «Балаклавский альбом», в который делали записи многие известные люди. В нем есть строки, написанные Д. Маминым-Сибиряком, С. Городецким, В. Ладыженским, С. Найденовым, И. Рукавишниковым, С. Елпатьевским, Л. Собиновым... Знаменитый революционер-шлиссельбуржец Н. Морозов оставил в альбоме стихотворение «Аккорды», которое заканчивается так:

Рабства и муки
Время промчится,
Силой науки
Мир обновится,
В светлые годы
Царства свободы
Сбросят народы
Иго скорбей.

С Куприным Аспиз познакомился в 1904 году. Они скоро стали друзьями. Евсей Маркович рассказывает нам историю создания «Поединка», который писатель заканчивал в Балаклаве, «Штабс-капитана Рыбникова», написанного там же.

Куприн часто писал Аспизу, рассказывая о своих делах, о затруднениях. Вот выдержка из одного письма: «Мне живется неважно. Дела и денежные и семейные плохи. Продал свои сочинения и в результате 2 000 р. Сегодня хороню младшую дочку... Я вас люблю попрежнему...»

Последняя встреча старых друзей произошла в квартире у Скитальца в Москве, после возвращения Куприна в СССР. Перед этим пришло письмо от жены Куприна — Елизаветы Морицовны:

«Он Вас и в эмиграции часто и нежно вспоминал. Очень будем рады повидаться с Вами осенью. Пока мы живем на писательской даче в Голицыно: тихо, мирно, по-стариковски.

Ал[ександр] Ив[анович] понемножку приходит в себя. Не легко ему дались переживания в связи с возвращением на родину, да еще на такую, о которой он всю жизнь мечтал: очень ему понравились новая Москва и новые советские люди, сколько в них чувствуется бодрости и мощи!

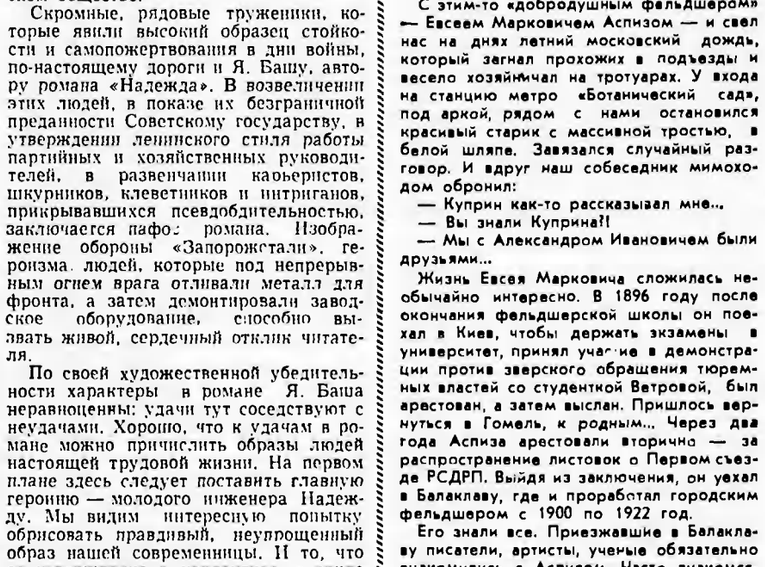
Мы оба устали от всего чужого — заграничного, теперь какое-то странное чувство для нашего возраста, даже не нахожу определения: хочется жить, делается досадно, что мало осталось жить, и обидно, что столько лет пропало даром, ведь и мы могли бы быть полезными родине! При встрече обо всем побеседуем, особенно Ал[ександру] Ив[ановичу] будет приятно поговорить с Вами о Балаклаве и о балаклавских рыбаках. Он шлет Вам самый теплый и сердечный привет и я присоединяю свой».

Дальнейшая жизнь «добродушного фельдшера» сложилась так. В 1922 году в возрасте 45 лет он поступил на медицинский факультет МГУ и до ухода на пенсию, до 1952 года, работал в Москве врачом. Сейчас он пишет мемуары. Несколько отрывков из них, подготовленных к печати литературоведом А. Храбровицким, совсем недавно опубликовано в областных альманахах «Крым» и «Литературная Вологда». Автор рассказывает в своих воспоминаниях о встречах с Куприным зимой 1906 года в имении их общего друга профессора Ф. Батюшкова в селе Даниловском Устюженского уезда, Новгородской губернии (теперь Вологодская область).

Тираж альманахов настолько мал, что эти интереснейшие воспоминания, к сожалению, так и не стали достоянием широкой массы читателей. Думается, они заинтересуют всех, кто любит творчество Александра Ивановича Куприна.

М. ДОЛИНСКИЙ,
С. ЧЕРТОК

* Письмо обнаружено в отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина А. Храбровицким.



На снимке (слева направо): Ф. Батюшков, А. Куприн и Е. Аспиз в Балаклаве. 1906 г.

Слова, которые у другого поэта могли бы показаться приподнятыми: «Вернусь я рано или поздно, живым иль мертвым, но вернусь».

Матеу ярко и сильно живописует картины жизни родного народа, простых людей Испании. Оптимизм Матеу, в котором проявилось здоровое и неистребимое чувство справедливости, присущее народу, рождает в стихах Матеу, наряду с драматизмом, острую и резкую иронию, крепкий, задорный юмор, в котором выражается превосходство народа над его угнетателями. Таково стихотворение «Старьевщик», отлично переведенное на русский язык молодым поэтом П. Грушко: «Куплю ума у дуры! Хозяев — у слуги! Фальшивые купюры! И королевской шкуры кусок на сапоги! Старье берем-ем!..» Старьевщик у Матеу с полным сознанием своей правоты и платежеспособности скупает на равных основаниях «жестянки, склянки, империи останки с испанским королем»!

За этими стихами и подобными им стоит не только высокая культура испанской народной поэзии, знаменитых «романсеро», но и творчески усвоенный опыт таких певцов свободолюбивого плебейства, как Бернс с его знаменитым «Богатство — штамп на золотом, а золотой — мы сами!».

У Матеу есть интересные и сильные образцы политической лирики. Таково стихотворение «Улица Горького», где в голоса людей, продающих галантерейные товары, смело и дерзко врывается голос юного пропагандиста, предлагающего письма Максима Горького о мире и войне. Уже в этих стихах выражены глубокие духовные связи трудящихся мира с нашей Родиной: «В тот полдень эта улица прошла в душе моей!», — говорит поэт об улице Горького в Москве.

Особенно замечательно стихотворение Матеу «Две родины», с большой проникновенностью переведенное О. Савичем. Поэт в глубоко народном образе выражает здесь свою кровную мечту: «Сплетаются ветви деревьев, тепло для семян берегут... Пусть рядом, в Москве и в Мадриде, береза и дуб зацветут!»

Весь драматический накал стихотворения, все кровное сплетение чувства любви к родине с огромной признательностью советскому народу, давшему испанскому поэту кров и дружбу, выражено в строках:

Две родины в сердце ношу я,
две родины всюду со мной,
с одной научился я счастью
и плачу вместе с другой.

Поэзия Хулио Матеу заслуживает самой широкой популяризации и перевода на многие языки. Отличаясь несомненными и крупными поэтическими достоинствами, будучи глубоко народной, она выражает высокие и драгоценные чувства страстной революционности, любви к родине, пролетарского интернационализма. Эти чувства поэзия Матеу воспитывает у читателей убежденно и горячо.

Следует отметить любовь к испанскому поэту, которую проявили русские поэты, работавшие над переводами.

Григорий ЛЕВИН

ТВОРЕНИЯ МОЛОДОГО ГОРЬКОГО

М. Горький
«ЗАБЫТЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ»
(1895—1901 гг.)»
Горьковское книжное издательство

На родине великого писателя Алексея Максимовича Горького местное издательство выпустило в свет книгу «Забытые произведения». Собранное здесь публиковалось в 1895—1901 годах в газете «Нижегородский листок», однако не вошло в тридцатитомное собрание сочинений писателя и ни в один из появившихся сборников его произведений.

Напечатанные в первой части книги рассказы и очерки весьма характерны своей оригинальностью, самобытностью.

В рассказе «Самоубийство» намечается типичная для Горького тема разоблачения бездеятельности, гнилости, пассивности буржуазной интеллигенции, развитая позднее в пьесе «Дети солнца» и эпопее «Жизнь Клима Самгина».

Любопытен рассказ «Друзья», рисующий двух конокрадов, предприимчивых смельчаков, ненавидящих богатеев-собственников. Одного из конокрадов кулаки, сговорившись, вешают, а второй добивается привлечения к суду кулаков, которых впоследствии ссылают на каторгу. Осуждение собственнической психологии, жадности, какое мы находим здесь, перекликается с рассказом «Челкаш» и другими горьковскими произведениями.

Самобытный художественный очерк «Разбойники на Кавказе» поднимает вопрос о вопиющем беззаконии, о произволе в судопроизводстве и о бесправном положении национальных меньшинств, угнетаемых царизмом. Очерк заканчивается тягостной и мрачной сценой публичной казни через повешение. Изображая приговоренных к смерти, писатель рисует их мужество, самообладание. Читатель узнает, что эти «разбойники», нападая на усадьбы помещиков, часто отдавали награбленное беднякам-крестьянам. Известно, что сюжет этого произведения явился результатом личных наблюдений в дни странствий писателя по Кавказу, записей фольклора.

Аллегорические «Рождественские рассказы» и «Песни покойников» являются великолепным дополнением к известной статье А. М. Горького «Поль Верлен и декаденты». В этих произведениях звучит гневный голос писателя — обличителя антинародного искусства, духа пессимизма, мистики и упадочничества в литературе.

Рассказы А. М. Горького, помещенные в сборнике, едины резким осуждением обывательщины, стремлением утвердить новые, свободолюбивые принципы жизни.

Во второй части книги напечатаны забытые статьи и заметки А. М. Горького. Прежде всего поражает разнообразие тематики публицистических выступлений писателя. Читатель найдет здесь статьи о внешней политике («Из обывательской жизни»), резкую отповедь реакционной газете «Новое время» («О войне, мире и т. д.»). Часть заметок посвящена педагогическим вопросам («По поводу одного отчета», «Вниманию местных дам»). Писатель поднимает вопрос о тяжелом положении детей бедняков («На бесплатном катке», «Нечто о елке», «Елка»), говорит об ужасающем прозябании босяков («О человеколюбии в связи с искусством на обухе рожь молотить», «Для «золотой роты»»). Писатель рассматривает состояние художественно-кустарных промыслов («Случайные заметки») и многое другое.

Сборник составлен доцентом Горьковского государственного педагогического института, кандидатом филологических наук Л. М. Фарбером. Он же является автором содержательной вступительной статьи и примечаний.

Выпущенная областным издательством книга «Забытые произведения» расширяет наши представления о молодом Горьком и содержит ценный материал для исследователей его творчества.

М. ПОЗНАНСКИЙ

— Караул! Русские торпедировали переговоры о разоружении!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР ПО ДИПЛОМАТИИ ОБМАНА

Женевский Комитет десяти государств по разоружению прекратил свою деятельность. После того как Соединенные Штаты и другие западные державы завели переговоры в тупик, сделали их беспредметными, Советский Союз, Болгария, Чехословакия, Румыния и Польша отказались от участия в работе Комитета с тем, чтобы поставить вопрос о разоружении на обсуждение очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Глава Советского правительства Н. С. Хрущев направил личные послания президенту США Дуайту Эйзенхауэру, а также главам государств и правительств Франции, Англии, Италии и Канады. Он призвал рассмотреть со всей серьезностью положение, сложившееся в Комитете десяти, который используется как ширма для прикрытия развязанной Западом гонки вооружений.

...Нет в наше время более важной, более насущной проблемы, чем проблема разоружения. С глубоким удовлетворением встретили народы всего мира советский план всеобщего и полного разоружения, внесенный главой Советского правительства Н. С. Хрущевым 18 сентября 1959 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В те дни все участники этого форума единодушно голосовали за резолюцию, призывающую правительства достигнуть конструктивного решения по этому важнейшему вопросу.

С тех пор прошло немало времени. Но мир по-прежнему не освобожден от страха, от постоянной угрозы войны. Благородный пример Советского Союза, осуществившего новое и значительное сокращение вооружения и вооруженных сил, не нашел последователей в среде западных держав. Наоборот, лихорадка вооружений на Западе возросла. Возросли расходы Соединенных Штатов на военные нужды, расширяется сеть американских атомно-ракетных баз на территориях стран — участниц НАТО, оснащается оружием массового уничтожения западногерманский бундесвер. Когда же здравомыслящие люди задают вопрос: доколе будет продолжаться гонка вооружений? — им отвечают западные пропагандисты: — Не тревожьтесь, все это преследует лишь цели обороны: к тому же, как только будет соглашение о разоружении, оружие будет уничтожено, ведь переговоры в Женеве идут...

Переговоры в Женеве идут... Какая удобная ширма! И какой хороший громоотвод для тревоги и недовольства общественного мнения! Как удобно сваливать все на извечную «проблему контроля», с которой якобы не согласен Советский Союз. Когда же оказалось, что советский план предлагает разработку конкретных мер по контролю до подписания договора о всеобщем и полном разоружении, то была изобретена «проблема контроля за военными космическими ракетами». Короче говоря, один предлог за другим, и все ради главного — уйти от обсуждения советских предложений, от принятия каких-либо конкретных мер по разоружению. Старая тактика? Да, конечно. Тактика бесславной памяти подкомитета комиссии ООН по разоружению. Она служит продолжению гонки вооружений.

Переговоры идут... Нет, они больше не идут. Бесчестная игра сорвана, разоблачена. Советский Союз оповестил весь мир, что он не хочет участвовать в обмане народов. Никита Сергеевич в своем послании Д. Эйзенхауэру подчеркнул, что линия делегации США и других западных государств ясно показывает, что США не собирались и на совещании в верхах занять такую позицию, которая позволила бы вывести вопрос разоружения из тупика, возникшего по вине западных держав и прежде всего США... В этих условиях Комитет не только не продвигает вперед дело разоружения, но, напротив, наносит ему немалый вред, поскольку он вводит в заблуждение народы, порождая иллюзию, будто что-то делается в области разоружения.

Переговоров больше нет, но западным державам не уйти от суда общественного мнения. Можно ли скрыть, что именно Соединенные Штаты и другие западные державы завели женевские переговоры в тупик, сделали их беспредметными? В Женеве, как известно, не было столкновения двух программ. Был лишь советский план, новые советские предложения. Западные державы не предложили никакой программы и тем более не разработали плана, отвечающего идее полного и всеобщего разоружения.

В Женеве произошло столкновение, но это было столкновение двух дипломатий — дипломатии правды и дипломатии лжи. Решение правительств социалистических стран, участвовавших в работе Комитета десяти, прекратить работу в Женеве выбило почву из-под ног американской дипломатии обмана. Народы узнали правду. И в этом огромное значение смелого шага, предпринятого Советским Союзом и другими социалистическими государствами.

Теперь еще более ясными, еще более понятными становятся события последнего времени. Одной из главных причин, побудивших агрессивные круги США сорвать совещание в верхах, был страх, как бы парижское совещание не поставило западные державы перед необходимостью прекратить гонку вооружений, прекратить «холодную войну», пересмотреть политику «с позиции силы». То же самое определило позицию США и их союзников в Женеве. Все это укладывается в одни рамки агрессивной обанкротившейся политики.

Проблема разоружения остается нерешенной. Но уход Советского Союза из женевского Комитета десяти отнюдь не означает отказа нашей страны от благородной борьбы за спокойствие и безопасность людей. Эта борьба потребует новых усилий, повышенной бдительности, неослабного наблюдения за происками агрессивных кругов Запада.

Первые отклики зарубежной печати на события последних дней показывают, что общественность отдает себе отчет в том, кто повинен в срыве женевских переговоров. Напрасно правая печать США, Англии и Франции пытается разыгрывать благородное возмущение, вопит о «несговорчивости» Востока, о «грубом разрыве» и т. д. и т. п. При этом никто из адвокатов Запада не находит ни одного доказательства в свою пользу. Все они старательно обходят ответ на вопрос: каков же практический вклад Запада в переговоры о разоружении? И не показательно ли, что американский сенатор Хэмфри признал 21 июня, что он не знает какого-либо ответственного официального лица в США, имеющего отношение к совещанию по разоружению за последние два года, который бы сказал, что «США подготовлены к этим совещаниям»?

Поджигатели войны, инициаторы гонки вооружений пригвождены к позорному столбу. Им не уйти от осуждения народов, к каким бы ухищрениям и маневрам они ни прибегали. Они бессильны сорвать борьбу народов за мир, за будущее, за спокойствие грядущих поколений.

Я. ВИКТОРОВ

ПОДЖИГАТЕЛИ ДЕЙСТВУЮТ!

«Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» — один из влиятельнейших американских журналов. За ним стоят крупные монополии, занятые производством оружия массового разрушения. Это те самые круги, на которые опираются президент Эйзенхауэр и его ближайшие сотрудники. Высказывания этого журнала — не просто болтовня, а сокровенные мысли тех, кто отвечает за нынешнюю политику Соединенных Штатов Америки.

Перед нами — рисунок, помещенный «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» а те самые дни, когда в Женеве работал Комитет десяти государств по разоружению. Под выразительным заголовком «Почему Соединенные Штаты вынуждены шпионить» читателю преподносится обоснование для провокационных шпионских полетов, для продолжения гонки вооружений. Советский Союз предлагает величественную программу создания мира без оружия, без войн, план полного и всеобщего разоружения, осуществление которого позволит ликвидировать все виды оружия массового уничтожения. Мы готовы пойти на это, несмотря на то, что обладаем подавляющим превосходством в области ракетостроения. А поджигатели войны твердят свое. Вот их программа, графически выраженная в публикуемом нами рисунке. За созданным их воображением «железным занавесом» — советские ракетные установки. Американские самолеты-шпионы летят в сторону советских границ; спутники-шпионы делают свое грязное дело.

«Только при помощи шпионов могут США проникнуть за железный занавес, чтобы засечь важные цели внутри Советской России для своих собственных ракет и своих бомбардировщиков... Наша страна применяет два метода шпионажа и планирует третий. Мы пользуемся обычными методами шпионажа. Мы используем самолеты типа «У-2». Мы планируем применение спутников-шпионов...»

Нужно ли более наглядное доказательство, нежели эти высказывания, свидетельствующие о том, что западные державы пришли в Женеву с камнем за пазухой, с твердым намерением помешать соглашению о разоружении! И чего стоят после этого фарисейские стенания, будто Советский Союз сорвал женевские переговоры!

МУХАММАД АЛЬ-ФЕЙТУРИ,
суданский поэт

Голос Африки

Молчаливая Африка,
жизнь, принесенная в жертву
чужеземным богам,
земля, орошенная реками крови и пота,
изможденная, горькая Африка,
кончилось время твое!

Начинается новая эра —
эра Сброшенных Уз
и Разбитых Оков,
и Расправленных Плеч.

Слышу голос твой, Африка,
дерзкий, разгневанный голос.
В нем — горячее пенье самума
и гул прорастающих трав.
В нем — живое дыхание Конго,
и гром водопадов,
и удары морского прибоя,
и шелест опавшей листвы
под тяжелыми лапами льва.

Слышу голос твой, Африка,
ясный, отчетливый голос.
В нем — мелодии песен
простого крестьянского поля,
и размеренный скрип деревянного плуга,
и скрежет
неторопливых ручных жерновов,
превращающих зерна в муку.

Слышу голос твой, Африка,
юный, ликующий голос.
В нем — призывы вождей,
и рокот народных собраний,
и биение наших сердец,
переполненных яростной кровью,
и сумасшедшая дробь
неукротимых тамтамов,
говорящих: «Свобода!
Свобода!
Свобода!»

Перевел с арабского
Михаил КУРГАНЦЕВ

КОГДА ОСЯДЕТ ПЫЛЬ...

ПРЕЗИДЕНТ Эйзенхауэр вернулся, наконец, из инспекционной поездки по военным базам Соединенных Штатов на Дальнем Востоке. Поскольку поездка в Японию по независящим от него причинам не состоялась, он использовал время, чтобы поиграть в гольф на Гавайях. Там он, как видно, немного перевел дух после своих приключений и собрался с силами для объяснения с американцами.

Объяснение состоялось 27 июня. Президент выступил по телевидению и по радио с отчетом о поездке, которая, по его словам, «ознаменовалась значительными событиями».

Эйзенхауэр делает вид, что все складывается наилучшим образом и отношения Соединенных Штатов «с Филиппинами, Тайванем, Кореей и Окинавой» в результате его визита укрепились, а договор с Японией, что бы там ни было, но все-таки ратифицирован. Однако Эйзенхауэр явно чувствует, что в представлении его слушателей дело обстоит не так уж прекрасно. Недаром он под конец речи высказывается против политики «ожидания, пока осядет пыль на Дальнем Востоке». Пыль действительно стоит столбом от его дел на Дальнем Востоке, но он сам сознательно поднимает столбы пыли и гумана вокруг событий, происходящих в мире.

Президент сообщает, что его поездка на Дальний Восток «была запланирована как одна из серии поездок», предпринятых «в интересах мира во всем мире». За последние десять месяцев он посетил 27 стран Европы, Азии, Африки, Южной Америки, Ближнего и Дальнего Востока. Предысторию этих поездок президент относит к 1953 году, когда он вместе с покойным Даллесом, оценивая международную обстановку перед своим вступлением на пост президента, будто бы пришел к мысли, что «обращение к силе для урегулирования международных споров стало нетерпимым». Вместе с тем Даллес с Эйзенхауэром, как сообщил сейчас президент, установили свою политику, исходя из следующей оценки ими международного положения:

«В течение нескольких лет после второй мировой войны коммунисты, воспользовавшись хаотическими последствиями этого конфликта — и нашим собственным добровольным военным разоружением, — ведут непрерывную кампанию агрессий и подрывных действий в Азии и в Восточной Европе. Они подорвали жизнь миллионов свободных людей, вызвав понижение жизненного уровня и истощение экономики. Китай и населяющие его полмиллиарда человек были потеряны для свободного мира».

Такова была, по словам Эйзенхауэра, обстановка, создавшая исходные пункты для его политики.

Подождем минуточку, пока осядет пыль. Что получается? В свете появления атомного оружия обращение к силе для урегулирования международных споров действительно стало нетерпимым. Верно также и то, что Китай с его шестисотмиллионным населением безвозвратно потерян для так называемого «свободного мира». Но все остальное — это ложь, которой Эйзенхауэр пытается оправдать стремление американского империализма установить господство над всем миром, политику насквозь агрессивную и не имеющую ничего общего с интересами всеобщего мира.

«Саморазоружение Соединенных Штатов», «интриги коммунистов», рассуждения о «жизненном уровне» — все это пыль, которую Эйзенхауэр пускает в глаза, не считаясь с элементарными фактами.

Исходя из этой насквозь фальшивой оценки международной обстановки, Эйзенхауэр сообщает, что он с Даллесом решил действовать дальше «в соответствии с идеалами, выраженными в Уставе Организации Объединенных Наций». Снова — пыль для прикрытия того факта, что политика Соединенных Штатов все время была направлена к тому, чтобы, по возможности, заставить Организацию Объединенных Наций служить прикрытием и орудием американских агрессивных замыслов.

«Было и остается необходимым постоянно и энергично говорить перед всем миром об огромном стремлении Америки к миру и ее готовности сесть за стол совещания, чтобы обсудить конкретные проблемы со всяким, кто проявил бы равную готовность вести переговоры честно и добросовестно, — говорит Эйзенхауэр, — мы продолжаем заниматься этим, несмотря на такие трудности, как достойное сожаления действие советской делегации, ушедшей сегодня утром с Женевского совещания десяти стран по разоружению».

Эта словесная шелуха призвана затушевать тот факт, что в Комитете десяти в Женеве американская делегация действовала как тормоз на пути разоружения.

Пожалуй, самый густой клуб пыли, который пустил президент в своей речи, это его интерпретация военного договора с Японией. Как это ни странно, но договор, который правительство Киси с таким скандалом, с такими грубыми нарушениями конституции навязало Японии, договор, который японцы считают совершенно незаконным, — этот договор изображается президентом как большой успех политики Соединенных Штатов, всего «свободного мира».

Воистину надо потерять здравый смысл, чтобы истолковывать события в Японии как победу американской политики!

Договор с Соединенными Штатами неприемлем для японского народа, независимо от того, как относятся к американской политике какие-либо другие страны. Этот договор угрожает безопасности Советского Союза и Китая, но в первую очередь он ставит на карту мир и свободу Японии. И борется японский народ против этого договора сам, своими собственными силами и средствами. Ожесточение, настойчивость и последовательность его в этой борьбе, казалось, могли бы заставить вашингтонских политиков сделать соответствующие выводы о перспективах своей политики на Дальнем Востоке. Кое-кто делает такие выводы. Но только не президент. Потеряв чувство юмора, он уверяет, что «чувства дружбы и взаимопонимания» объединяют его с японским народом...

В общем и целом речь президента Эйзенхауэра — нарочито запутанна, туманна. Но дух и смысл ее все же ясны и понятны. Президент не признает за собой и за политикой государственного департамента никаких ошибок, просчетов и неудач.

Американские обозреватели оценили отчет президента как жалкую и беспомощную попытку самооправдания. Эйзенхауэр — слабый политик и плохой оратор. Он не умеет защищать то, что ему поручено.

Во всем мире говорят и пишут о том, что американский президент «потерял лицо» в Париже и на Дальнем Востоке. Если он думал своим отчетом перед соотечественниками его спасти, то из этого ничего не вышло. Впрочем, и «лицо»-то такое, что и спасать-то его не стоит.

Н. СЕРГЕЕВА

ЛГ в мире науки

В последнюю неделю Московский университет снова приковал к себе внимание научной общественности всего мира. 27 июня здесь открылся Первый международный конгресс ИФАК — Международной федерации по автоматическому управлению. Первый конгресс молодой научной организации было решено провести в СССР — стране, ученые которой имеют общепризнанные заслуги в развитии автоматики.

На съезд съехались 1 200 ученых и специалистов почти из 30 стран.

С большим докладом «Автоматика и человечество», поставившим самые насущные и острые проблемы современного развития автоматики, выступил председатель Национального комитета СССР по автоматическому управлению, директор Института автоматики и телемеханики Академии наук СССР академик В. А. Трапезников.

От имени Советского правительства с приветственной речью к делегатам конгресса обратился Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Конгресс приветствовал президент Академии наук СССР академик А. Н. Несмеянов.

На конгрессе предполагается заслушать более 280 научных докладов.

Сегодня продолжается работа секций.

КИБЕРНЕТИКА И ЛИТЕРАТУРА

КОРРЕСПОНДЕНТЫ «Литературной газеты» обратились к профессору Норберту Винеру, одному из основателей кибернетики, крупному математику, с просьбой ответить на несколько вопросов.

— Я не собирался давать интервью по каким-либо вопросам, не касающимся непосредственно конгресса, — сказал профессор Винер. — Но мне хотелось бы сказать о моих первых московских впечатлениях. Мне очень понравился сам город, я чрезвычайно доволен моими встречами с молодыми советскими учеными. Это вежливые, корректные, приятные собеседники и отличные специалисты. Я бы с удовольствием имел их своими сотрудниками.

Вы, русские, делаете большое дело. Кажется, вы один из первых поняли значение таких наук, как кибернетика, и успешно работаете в этой области. Русская математическая школа всегда отличалась тем, что ее ученые ставили наиболее острые проблемы и разрешали их с блеском и изяществом. Начало этим великолепным традициям было положено еще Эйлером. Советские математики — достойные продолжатели традиций. Моя работа вот уже в течение 30 лет тесно соприкасается с работой советских ученых. Когда я читаю труды академика Колмогорова, я чувствую, что это и мои мысли, это то, что я хотел сказать. И я знаю, что такие же чувства испытывает академик Колмогоров, читая мои труды. Это сотрудничество приносит нам обоим огромную пользу. Изучая работы друг друга, мы узнаем, каким путем шел коллега, и если этот путь оказался ошибочным, мы избавляемся от необходимости повторять его снова. Если же он плодотворен, мы развиваем примененный метод дальше. Когда мы беседовали в 1956 году на Всеиндийском конгрессе ученых с академиком Соболевым, мы пришли к тому же очевидному выводу — сотрудничество ученых разных стран обогащает науку новыми открытиями и достижениями.

— Мистер Винер, советским читателям хорошо известны ваши книги — «Кибернетика и общество», «Кибернетика». Расскажите, пожалуйста, над чем вы работаете сейчас?

— Сейчас я работаю над подготовкой второго издания «Кибернетики». В него будут включены две новые главы, посвященные самоорганизующимся системам и «думающим» машинам. Заново написана вступительная часть. Рассчитываю, что книга выйдет в свет в этом году. Работаю я и над своим новым романом. В мои свободные часы я — писатель. Это не только отдых — формирование характеров под влиянием различных жизненных обстоятельств, судьбы людей всегда интересовали меня. Мой первый роман «Искуситель» вышел в ноябре 1959 года. Он посвящен типичному для американской действительности конфликту между идеалами ученого и его желанием сделать карьеру. Эпиграф романа: «Тем ученым, которые предпочитают искать истину, а не земные блага». В центре повествования — судьба инженера Грегори Джеймса, родившегося в России, в Одессе, и до первой мировой войны эмигрировавшего в Америку. Я не случайно выбрал своим героем выходца из России. Дело в том, что Россия — страна мне очень близкая. Мой отец, Лев Винер, родился в Белостоке и в 1880 году эмигрировал в Америку. Всю свою жизнь он был горячим пропагандистом русской культуры. Преподавая русский язык в Гарвардском университете, он проделал поистине титаническую работу: перевел на английский язык многотомное собрание сочинений Льва Толстого.

Впрочем, я отвлекся. Итак, я заканчиваю сейчас свой новый роман «То, что под камнем», который должен выйти в декабре этого года. В нем рассказывается о коррупции в телевизионных компаниях США, об эксплуатации одаренных детей.

— Почему вы выбрали такое название для вашего романа?

— Видели ли вы когда-нибудь, как откатывают большой камень? Все, что накопилось под ним за долгие годы, сразу становится видным людям. Так и в моем романе: вся неприглядная изнанка деятельности телевизионных компаний становится ясной во время судебного процесса.

— Это будет, вероятно, социальный роман?

— В той мере, в какой всякий роман о человеческих судьбах в наше время является социальным. Однако мой роман не тенденциозен, — подчеркивает мистер Винер. — Я хочу рассказать в нем о становлении характера одаренного ребенка. Эта тема близка мне. Я сам был, если хотите, в некотором роде «вундеркиндом»: в одиннадцать лет пошел в колледж, а в четырнадцать его закончил. (Профессор Винер в 18 лет уже получил ученую степень доктора философии в Гарвардском университете.) Очень многим я обязан отцу — моему первому учителю, преподавшему мне основы математики и языков. Я всю жизнь старался совершенствовать полученные знания, сегодня могу сделать без специальной подготовки доклад на английском, немецком, французском и испанском языках, говорю по-китайски, по-датски и по-итальянски, понимаю португальский и шведский и, конечно, как результат классического домашнего воспитания, знаю латынь. (Как мы узнали позже, профессор Винер владеет 13 языками.) Я всегда предпочитаю говорить с людьми на их родном языке, но вот, к сожалению, русским языком не владею. Это, вероятно, еще раз подтверждает справедливость пословицы: «Дети сапожника ходят босые». Поэтому мою лекцию в Политехническом музее «Волны головного мозга и самоорганизующиеся системы» я вынужден читать с помощью переводчика.

Норберт Винер

— Каково ваше мнение о конгрессе ИФАК?

— Без сомнения, он обещает быть очень интересным. На этот конгресс приехали крупнейшие ученые из всех стран мира. Большое впечатление произвела на меня блестящая, изумительная речь академика Трапезникова. Мне стало ясно, что вы находитесь на форпосте автоматики. Не хочу подводить баланса работ, проделанных Западом и Востоком, но можно смело сказать, что в области философии и теории автоматического регулирования вы достигли огромных успехов.

— В своей речи академик Трапезников сказал, что теория автоматического регулирования является, собственно, технической ветвью кибернетики. Что вы думаете о современном состоянии кибернетики и перспективах ее дальнейшего развития?

— Кибернетика — наука, находящаяся в самом начале своего становления. Она найдет самые различные применения в нашей жизни, причем такие, о которых мы сегодня даже не подозреваем. Кибернетическим машинам человек придает способность творить, то есть создает себе могучего помощника. Однако здесь таится опасность, которая может возникнуть уже в самом недалеком будущем. Дело в том, что, задавая машине программу, мы ожидаем от нее действий в соответствии с этой программой. Но эти действия настолько сложны и настолько близки творческой деятельности человека, что малейшая неточность в задающей программе может привести к совершенно неожиданным результатам. Позвольте мне пояснить эту мысль маленькой английской сказкой. У одного человека был волшебный талисман, который выполнял любые его желания. Однажды этот человек захотел иметь тысячу фунтов стерлингов. И получил их. Но поскольку, высказав свое желание, ничем не обусловил исполнение, он получил эту тысячу фунтов ценой смерти своего любимого сына. Отсюда следует, что мы не всегда можем сказать, чего мы хотим, потому что не всегда можем угадать, какие нежелательные события могут сопутствовать исполнению нашего желания.

Задаваемая машине программа должна быть кристально ясной. В ней необходимо предусмотреть все возможные желательные и нежелательные события, которые могут сопутствовать выполнению поставленной задачи. Эта проблема имеет еще и несколько другой аспект. Чем большие творческие способности даются машине, тем больше у нее возможностей принимать самостоятельное решение. А это значит, что тем сложнее становится управление этой машиной. Я напомню старую сказку Гёте. Жил на свете ученик волшебника. Однажды учитель ушел и наказал ему натаскать воды. Ученик решил воспользоваться волшебной метлой и велел ей выполнить за него эту работу. И вот уже все чаны и ведра полны, а вода все прибывает. Ученик волшебника хотел остановить метлу, но, увы, он не знал заветного слова. Когда вода стала заливать дом, он сломал метлу. И что же? Вместо одной две метлы стали таскать воду! И только приход волшебника, знавшего заветное слово, предотвратил наводнение. Вопрос в том, будет ли человек всегда знать это заветное слово?!

— Мы думаем, что будет, мистер Винер! Мы в Советском Союзе оптимистически смотрим на перспективы развития кибернетики.

Мы благодарим профессора Винера и его супругу, принимавшую живое участие в нашем разговоре, за беседу и просим написать несколько слов читателям «Литературной газеты».

Профессор Винер пишет: «Для меня большая честь быть среди моих коллег из всех стран и встретить такой живой интерес и такое понимание вопросов автоматики. Я рад быть здесь с моей женой в этом прекрасном и дружеском городе».

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.

Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-60. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—024153